ВОПРОСЫ ПСИХО-НЕВРОЛОГІИ

ВЪ ОБЩЕДОСТУПНЫХЪ ОЧЕРКАХЪ,

ВЫХОДЯЩИХЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

д-ра мед. Л. ЛЕВЕНФЕЛЬДА (въ Мюнхенѣ) и д-ра мед. Г. КУРЕЛЛА (въ Бреславлѣ).

О СНОВИДѢНІЯХЪ.

Д-ра Сигм. ФРЕЙДЪ.

Прив.-доц. Вѣнскаго Университета.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО А. Л.

5-е приложеніе къ журналу Вѣстникъ Психологіи, Криминальной Антропологіи и Гипнотизма за 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., 6.
1904.

ВОПРОСЫ ПСИХО-НЕВРОЛОГІИ
ВЪ ОБЩЕДОСТУПНЫХЪ ОЧЕРКАХЪ,
ВЫХОДЯЩИХЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
Д-ра мед. Л. ЛЕВЕНФЕЛЬДА (въ Мюнхенѣ) и д-ра мед. Г. КУРЕЛЛА (въ Бреславлѣ).

О СНОВИДѢНІЯХЪ.

Д-ра Сигм. ФРЕЙДЪ.
Прив.-доц. Вѣнскаго Университета.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО А. Л.

5-е приложеніе къ журналу Вѣстникъ Психологіи, Криминальной Антропологіи и Гипнотизма за 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., 6.
1904.

2014143724

I.

Въ тѣ времена, когда еще не было науки, люди не задумывались надъ объясненіемъ сновидѣній. По ихъ мнѣнію, сны посылались высшими, божескими или демоническими силами и должны были служить хорошимъ или дурнымъ предзнаменованіемъ. Съ расцвѣтомъ естественно-научныхъ методовъ эта остроумная миѳологія была замѣнена психологіей, и въ настоящее время развѣ только незначительное меньшинство образованныхъ людей сомнѣвается въ томъ, что причина сновидѣній лежитъ въ собственной душевной дѣятельности спящаго. Оставивъ миѳологическую гипотезу, пришлось дать снамъ какое-нибудь другое объясненіе. Нужно было отвѣтить на многіе вопросы, которые въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій тщетно ждали своего разрѣшенія. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: При какихъ условіяхъ возникаетъ сновидѣніе? Въ какомъ отношеніи стоитъ оно къ душевной жизни бодрствующаго человѣка? Какъ вліяютъ на сновидѣніе различныя внѣшнія раздраженія, проникающія въ сознаніе спящаго? Сюда же относятся нѣкоторыя особенности сновидѣній, приближающія содержаніе ихъ къ мыслямъ бодрствующаго человѣка, несоотвѣтствіе между образами сновидѣній и возникающими при этомъ чувствованіями, наконецъ, мимолетность сновъ, стремленіе бодрственнаго сознанія исказить или совершенно удалить ихъ изъ памяти, какъ нѣчто чуждое.

Наибольшій интересъ представляетъ вопросъ о значеніи сновидѣній, который можно разсматривать съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, каково психическое значеніе сна, какъ относится сновидѣніе къ другимъ душевнымъ процессамъ и какова его біологическая функція; во вторыхъ—можно ли *толковать* сны, является-ли содержаніе каждаго отдѣльнаго сна „осмысленнымъ“, какъ это мы привыкли встрѣчать во всѣхъ другихъ проявленіяхъ душевной жизни.

Въ оцѣнкѣ сновидѣній существуютъ три направленія. Одно изъ нихъ, представляющее, такъ сказать, отголосокъ старинной переоцѣнки сновидѣній, можно встрѣтить у нѣкоторыхъ философовъ. По ихъ мнѣнію, въ основѣ міра сновидѣній лежитъ особое душевное состояніе, въ которомъ они склонны видѣть даже одно изъ высшихъ проявленій душевной дѣятельности. Такъ, напр., *Шубертъ* полагаетъ, что сонъ есть освобожденіе духа отъ власти внѣшней природы, избавленіе души отъ оковъ чувственности. Другіе мыслители не идутъ такъ далеко, но все же настаиваютъ на томъ, что сны вытекаютъ главнымъ образомъ изъ душевныхъ побужденій, представляя изъ себя проявленіе душевныхъ силъ, которыя въ теченіе дня были задержаны въ своемъ свободномъ развитіи (фантазія сновидѣній — *Шернеръ, Фолькельтъ*). Значительное число наблюдателей приписываетъ сну способность къ повышенной дѣятельности, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ областяхъ душевной жизни (память).

Рѣзкую противоположность этому мнѣнію представляетъ взглядъ, защищаемый большинствомъ авторовъ — врачей, согласно которому за сномъ едва признается значеніе психическаго явленія. Возбудителями сновидѣній являются, по ихъ мнѣнію, исключительно чувственныя и тѣлесныя раздраженія, которыя или воздѣйствуютъ на спящаго извнѣ, или зарождаются въ его внутреннихъ органахъ.

Сновидѣніе не больше можетъ претендовать на значеніе и смыслъ, чѣмъ рядъ послѣдовательныхъ звуковъ, которые извлекъ бы человѣкъ, совершенно несвѣдущій въ музыкѣ, если бы онъ своими десятью пальцами пробѣжалъ по клавишамъ инструмента. Сновидѣніе слѣдуетъ считать чисто „тѣлеснымъ процессомъ", во всѣхъ случаяхъ безполезнымъ, а во многихъ и болѣзненнымъ (Бинцъ).

Всѣ особенности міра сновидѣній объясняются безсвязной, вызванной физіологическими раздраженіями работой нѣкоторыхъ отдѣловъ или клѣточныхъ группъ мозга, тогда какъ всѣ остальныя части мозга остаются погруженными въ сонъ.

Эти научныя теоріи мало вліяютъ на воззрѣнія народа, который, не заботясь о происхожденіи сновидѣній, твердо вѣритъ, повидимому, въ то, что сны имѣютъ все-таки извѣстное значеніе; значеніе это состоитъ въ предсказаніи буду-

щаго, которое при помощи тѣхъ или иныхъ толкованій можно вывести изъ сновидѣнія, часто очень загадочнаго и запутаннаго.

Примѣняемые при этомъ способы толкованія состоятъ въ томъ, что каждому изъ образовъ, видѣнныхъ во снѣ, придаютъ какое-либо особое значеніе. Въ сновидѣніи истолковываются либо отдѣльныя его части, по опредѣленнымъ, разъ навсегда установленнымъ правиламъ, либо весь сонъ цѣликомъ, причемъ содержаніе его разсматривается въ качествѣ символа. Серьезные люди смѣются надъ этими попытками: „сны исчезаютъ какъ дымъ".

II.

Къ моему величайшему изумленію, я убѣдился однажды въ томъ, что не врачебное пониманіе сновидѣній ближе подходитъ къ истинѣ, а взгляды профановъ, стоящіе еще на порогѣ суевѣрія. Дѣло въ томъ, что мнѣ удалось дать новое освѣщеніе процессу сна, воспользовавшись для этого новымъ психологическимъ методомъ, оказавшимъ мнѣ очень большую услугу при анализѣ болѣзненныхъ страховъ, навязчивыхъ и бредовыхъ идей и т. д. Недаромъ многіе изслѣдователи—врачи замѣтили, что иногда состояніе душевно-больныхъ во время ихъ бодрствованія представляетъ значительныя аналогіи съ тѣмъ состояніемъ, которое мы переживаемъ во снѣ. Поэтому мнѣ уже заранѣе казалось цѣлесообразнымъ примѣнить для разъясненія сновидѣній тѣ методы, которые оказались пригодными при анализѣ психопатическихъ состояній. Болѣзненные страхи и навязчивыя идеи столь-же чужды нашему сознанію, какъ сновидѣнія чужды сознанію бодрствующаго человѣка; ихъ происхожденіе такъ же загадочно для сознанія, какъ и происхожденіе сновидѣній. Практическій интересъ заставилъ обратиться къ изслѣдованію возникновенія и теченія этихъ болѣзненныхъ состояній; опытъ показалъ, что открыть недоступные для сознанія ассоціативные пути, связующіе болѣзненную идею съ остальнымъ психическимъ міромъ больного, это значитъ разрѣшить данный симптомъ, а слѣдовательно и получить господство надъ идеей, не поддававшейся ранѣе задержкѣ. Такимъ, образомъ изъ психотерапіи возникъ способъ, которымъ я пользовался при объясненіи сновидѣній.

Этотъ способъ не сложенъ, хотя его выполненіе требуетъ извѣстнаго навыка и опытности. Если мы желаемъ примѣнить его къ леченію больного, страдающаго, положимъ, навязчивыми страхами, то слѣдуетъ просить больного сосредоточить все свое вниманіе на преслѣдующей его идеѣ; при этомъ, однако, онъ долженъ представлять себѣ какъ можно яснѣе не только эту идею, но и всѣ сопровождающія ее случайныя мысли и все это разсказать врачу. Въ случаѣ утвержденія больного будто-бы онъ при всемъ своемъ вниманіи не можетъ уловить ничего особеннаго, врачъ долженъ самымъ настойчивымъ образомъ заявить, что такое полное отсутствіе всякихъ побочныхъ мыслей—вещь совершенно невозможная. И въ самомъ дѣлѣ, очень скоро паціентъ сообщаетъ о появленіи у него цѣлаго ряда случайныхъ мыслей, но при этомъ непремѣнно прибавляетъ, что мысли эти не существенны, не относятся къ дѣлу и пришли ему въ голову случайно, безъ всякой связи съ предметомъ разговора. Не трудно замѣтить, что именно, благодаря этой *критикѣ*, больной не только не сообщалъ о своихъ побочныхъ мысляхъ, но даже хорошенько не сознавалъ ихъ. Если паціенту удастся, отрѣшившись отъ этихъ предвзятыхъ взглядовъ, свободно развить тѣ случайныя мысли, которыя онъ уловилъ при внимательномъ самонаблюденіи, то вскорѣ станетъ очевиднымъ, что мысли эти находятся въ тѣсной связи съ преслѣдующей его болѣзненной идеей; этимъ путемъ выясняется связь между болѣзненной идеей и другими представленіями, свойственными данному лицу, благодаря чему получается возможность замѣнить болѣзненную идею какой-нибудь другой, вполнѣ отвѣчающей душевному складу паціента. Здѣсь не мѣсто подробно излагать всѣ тѣ предпосылки, на которыхъ основывается нашъ опытъ, и всѣ тѣ выводы, которые можно было-бы извлечь изъ его успѣшнаго примѣненія. Для насъ достаточно отмѣтить, что устраненію болѣзненной идеи способствуютъ именно тѣ побочныя ассоціаціи, которыя въ другихъ случаяхъ мы отбрасываемъ, какъ „непроизвольныя" и нарушающія теченіе нашихъ мыслей. Если опытъ производится надъ самимъ собой, то лучше всего немедленно записывать всякую случайную мысль, какой бы странной она ни казалась вначалѣ.

Посмотримъ теперь, что получится, если примѣнить этотъ методъ къ изслѣдованію сновидѣній. Всякій сонъ одинаково пригоденъ для этой цѣли. Нѣкоторыя соображенія заставляютъ меня выбрать одинъ изъ своихъ собственныхъ сновъ, который мнѣ самому кажется безсмысленнымъ и неяснымъ и который, благодаря своей краткости, представляетъ для насъ значительныя удобства. Таковъ сонъ, видѣнный мною въ послѣднюю ночь. Вотъ его содержаніе, записанное мною тотчасъ же по пробужденіи.

„Общество, столъ или табльдотъ . . . . , ... Ѣдятъ шпинатъ . . . . . Г-жа Е. Л., сидящая возлѣ меня, поворачивается ко мнѣ всѣмъ корпусомъ и кладетъ довѣрчиво руку на мое колѣно.

Я отсраняю ея руку, какъ бы защищаясь.

Тогда она говоритъ: у Васъ всегда были такіе красивые глаза . . . . . . Тутъ мнѣ смутно представилось что то вродѣ двухъ глазъ, похожихъ на рисунокъ или на контуръ очковъ . . . .

Вотъ и весь сонъ или, по крайней мѣрѣ, все, что я могъ припомнить. На первый взглядъ сонъ этотъ кажется мнѣ безсмысленнымъ, неяснымъ, а главное—чрезвычайно страннымъ. Съ госпожей Е. Л. у меня никогда не было дружескихъ отношеній и, насколько я помню, не было также и желанія завязять ихъ когда—либо. Мы съ ней не видались долгое время и, кажется, въ послѣдніе дни о ней не было разговоровъ.

Сонъ не сопровождался никакими аффектами.

Мои размышленія по поводу этого сна не дѣлаютъ его нисколько понятнѣе.

Тогда я начинаю безъ всякой предвзятой критики/отмѣчать тѣ случайныя мысли, которыя появляются въ моемъ сознаніи.

Вскорѣ я убѣждаюсь, что всего удобнѣе будетъ раздѣлить сонъ на нѣсколько частей и затѣмъ отмѣчать тѣ случайныя мысли, которыя связаны съ каждой изъ этихъ частей.

Общество, столъ или табльдотъ. Съ этимъ тотчасъ же связывается воспоминаніе о маленькомъ присшествіи, которымъ закончился вчерашній вечеръ. Мы вышли отъ знакомыхъ вмѣстѣ съ пріятелемъ, который предложилъ взять извощика и довезти мени до дому. „Я возьму экипажъ

съ таксометромъ", сказалъ онъ, „это доставитъ намъ пріятное развлеченіе; по крайней мѣрѣ, все время будетъ на что смотрѣть". Когда мы сѣли въ экипажъ, и извощикъ поставилъ стрѣлку таксометра на 60-ти геллерахъ, я продолжалъ шутить. „Мы только что сѣли, а уже должны ему 60 геллеровъ".

Экипажъ съ таксомѣромъ всегда напоминаетъ мнѣ *табльдотъ*. Онъ возбуждаетъ во мнѣ скупость и своекорыстіе, заставляя все время думать о предстоящемъ разсчетѣ. Мнѣ кажется, что счетъ растетъ слишкомъ быстро, и что у меня не достанетъ денегъ для расплаты; совершенно то-же случается со мной за *табльдотомъ*: я никакъ не могу избавиться отъ комическаго опасенія, что мнѣ достанется слишкомъ мало, и что слѣдуетъ позаботиться о своихъ интересахъ". Тутъ я продекламировалъ стихи, имѣвшіе нѣкоторое, хотя и очень отдаленное отношеніе къ предмету разговора.

Другая случайная мысль по поводу *табльдота*. Нѣсколько недѣль тому назадъ, обѣдая съ женой въ одномъ изъ ресторановъ тирольскаго горнаго курорта, я очень разсердился на нее за то, что она была недостаточно сдержана въ обращеніи съ сосѣдями, съ которыми мнѣ вовсе не хотѣлось заводить знакомство. Я попросилъ ее обращать больше вниманія на меня, чѣмъ на людей постороннихъ.

Здѣсь вышло опять такъ, *какъ будто бы мнѣ за табльдотомъ чего-то не доставало*. Кромѣ того, поражаетъ противоположность между тогдашнимъ поведеніемъ моей жены и поведеніемъ госпожи Е. Л., которая, какъ это мнѣ казалось во снѣ, „*поварачивается ко мнѣ всѣмъ корпусомъ*".

Далѣе я вспоминаю, что сцена съ г-жей Е. Л., видѣнная мною во снѣ, является лишь повтореніемъ того, что произошло у насъ съ женой еще во время моего негласнаго сватовства къ ней. Ласковое пожатіе подъ скатертью было отвѣтомъ на письмо, въ которомъ я просилъ ея руки. Во снѣ же вмѣсто моей жены фигурировала чужая мнѣ Е. Л. Кромѣ того, г-жа Е. Ле—дочь человѣка, которому я раньше былъ *долженъ!* Нельзя не замѣтить, что здѣсь неожиданно устанавливается отношеніе между отдѣльными частями сна и моими случайными мыслями. Получается цѣпь ассоціацій, соединяющая различныя части сновидѣнія другъ съ другомъ.

Благодаря случайнымъ мыслямъ, удается возстановить

тѣ связи, которыя не были замѣтны въ самомъ сновидѣніи.

Когда какой-нибудь простакъ ожидаетъ, что другіе станутъ безкорыстно заботиться о его интересахъ, то его обыкновенно спрашиваютъ: ужъ не ради ли *вашихъ прекрасныхъ глазъ* станутъ они о васъ заботиться? Можно думать поэтому что фраза г-жи Е. Л.: „у Васъ всегда были такіе красивые глаза" должна означать слѣдующее: люди старались всегда угодить вамъ; вы все *получили даромъ*.

Разумѣется, въ дѣйствительности случалось какъ разъ наоборотъ: за каждую услугу я всегда расплачивался вдвое.

И тѣмъ не менѣе, какъ разъ наканунѣ видѣннаго мною сна, мой другъ оказываетъ мнѣ *даромъ* услугу, довезя меня до дому.

Надо сказать, что и знакомый, у котораго мы вчера были въ гостяхъ, можетъ также считать меня своимъ должникомъ. Еще недавно я упустилъ случай отплатить ему за его одолженія. Только одинъ разъ я сдѣлалъ ему подарокъ — античную чашу, съ нарисованными на ней кругомъ *глазами*, такъ наз. Occhiale къ *защитѣ* отъ Malocchio. Къ тому же онъ *глазной врачъ*. Еще вчера вечеромъ я спрашивалъ его объ одной паціенткѣ, посланной мною къ нему для назначенія *очковъ*.

Теперь, какъ мы видимъ, установилась совершенно новая связь между отдѣльными частями видѣннаго мною сна.

Будучи послѣдовательнымъ, можно, пожалуй, еще спросить себя, отчего приснился мнѣ именно шпинатъ, а не другое кушанье. Оттого, что шпинатъ напомнилъ мнѣ маленькую сценку, происходившую недавно у насъ въ семьѣ: мой ребенокъ отличающійся, кстати сказать, очень *красивыми глазами*, отказался ѣсть шпинатъ. Помнится, я самъ въ дѣтствѣ долгое время терпѣть не могъ этого кушанья; только значительно позже мой вкусъ перемѣнился, и шпинатъ сдѣлался моимъ любимымъ блюдомъ. Благодаря этому маленькому эпизоду у меня въ умѣ возникла мысль о сходствѣ моего дѣтства съ дѣтствомъ моего ребенка. „Будь доволенъ, что у тебя есть шпинатъ", сказала мать маленькому гастроному: „сколько есть дѣтей, которыя были-бы очень рады шпинату". Тутъ я подумалъ объ обязанностяхъ родителей по отношенію къ дѣтямъ. Слова Гете „Ihr führt in's

Leben uns hinein, Jhr lasst den Armen schuldig werden" получаютъ при такихъ обстоятельствахъ новое освѣщеніе.

Здѣсь мы остановимся, чтобы подвести итоги нашему анализу. Случайныя ассоціаціи, возникавшія по поводу отдѣльныхъ частей моего сновидѣнія, привели меня въ концѣ концовъ къ такимъ мыслямъ и воспоминаніямъ, которыя играютъ очень важную роль въ моей душевной жизни. Всѣ эти данныя, полученныя при помощи анализа моего сна, находятся въ самой тѣсной связи съ содержаніемъ сновидѣнія; однако, связь эта такова, что, изучая непосредственно самое сновидѣніе, намъ никогда не удалось-бы достигнуть полученныхъ результатовъ. Сонъ былъ безсвязенъ, непонятенъ и не сопровождался никакими аффектами; между тѣмъ мысли, возникающія по поводу сна, сопровождаются нерѣдко интенсивными и достаточно обоснованными чувствованіями; мысли эти соединяются въ правильные, логически построенные ряды, которые группируются около извѣстныхъ центральныхъ представленій. Такими цантральными представленіями въ приведенномъ нами примѣрѣ являются; *своекорыстный — безкорыстный, быть должнымъ* и *дѣлать что-нибудь даромъ;* хотя этихъ представленій въ самомъ сновидѣніи и не было, но анализъ убѣдилъ, что именно они составляли основу сновидѣнія. Я могъ бы продолжать свой анализъ далѣе и показать, что всѣ нити видѣннаго мною сна приводятъ насъ въ концѣ концовъ къ одному центральному пункту; однако нѣкоторыя соображенія чисто частнаго характера удерживаютъ меня отъ полнаго опубликованія полученныхъ результатовъ. Подробный анализъ показалъ мнѣ, что при этомъ пришлось бы коснуться многихъ вещей, которыя я желалъ бы сохранить въ тайнѣ, такъ какъ мнѣ даже самому передъ собой трудно въ нихъ сознаться. Спрашивается, отчего же я не выбралъ какого нибудь другого болѣе подходящаго сновидѣнія, анализъ котораго не представлялъ бы такихъ затрудненій и могъ бы поэтому быть опубликованъ полностью? Да оттого, что анализъ всякаго рѣшительно сновидѣнія приведетъ насъ въ концѣ концовъ неизбѣжно къ такимъ интенсивнымъ подробностямъ, которыя неудобно предавать гласности. Тѣ же самыя затрудненія встрѣтилъ бы я и при анализѣ чужихъ сновъ, хотя бы обстоятельства и позволяли сдѣлать это безъ особаго вреда для лица, сообщившаго мнѣ свое сновидѣніе.

Въ настоящее время я прихожу къ тому заключенію, что сновидѣніе является какъ бы *замѣстителемъ* для цѣлаго ряда мыслей и чувствованій, открывающихся намъ только при помощи анализа. Я еще не выяснилъ себѣ окончательно, путемъ какого процесса изъ этихъ мыслей образуется сновидѣніе; для меня несомнѣнно лишь то, что нельзя разсматривать этотъ процессъ, какъ чисто физическій, зависящій только отъ разрозненной дѣятельности отдѣльныхъ бодрствующихъ клѣточныхъ группъ головного мозга.

Кромѣ того, я замѣчаю еще слѣдующее: во первыхъ, что сновидѣніе значительно короче тѣхъ мыслей, замѣстителемъ которыхъ оно служитъ; во вторыхъ, что незначительное происшествіе вчерашняго вечера явилось, какъ это показалъ анализъ, возбудителемъ всего сновидѣнія.

Разумѣется, я не сталъ бы дѣлать такихъ обширныхъ выводовъ, подвергнувши анализу всего только одно сновидѣніе. Опытъ показалъ мнѣ, что, пользуясь описаннымъ выше методомъ, мы можемъ анализировать всякое данное сновидѣніе, причемъ въ результатѣ получится цѣлый рядъ вполнѣ связныхъ мыслей, находящихся въ тѣсной зависимости отъ различныхъ частей сновидѣнія; отсюда слѣдуетъ заключить, что и тѣ связи, которыя мы установили въ разобранномъ нами сновидѣніи, нельзя приписать простой случайности.

На основаніи всего вышесказаннаго я считаю себя вправѣ закрѣпить новые взгляды новой терминологіей. Самое сновидѣніе, въ такомъ видѣ, какъ оно сохранилось въ моемъ воспоминаніи, я противопоставлю тому матеріалу, который былъ добытъ впослѣдствіи путемъ анализа, и назову первое *явнымъ содержаніемъ сна*, второй же, не входя пока въ дальнѣйшія подраздѣленія—*скрытымъ содержаніемъ сна*. Теперь мы стоимъ передъ двумя новыми, до сихъ поръ еще не формулированными проблемами: 1) Каковъ тотъ психическій процессъ, посредствомъ котораго скрытое содержаніе сна превращается въ явное, сохранившееся въ моей памяти; 2) Какимъ мотивомъ или какими мотивами вызывается это превращеніе. Процессъ перехода скрытаго содержанія въ явное я буду называть *дѣятельностью сна*. Тотъ же процессъ, при помощи котораго мы совершаемъ обратный переходъ (отъ явнаго содержанія сна къ лежащимъ въ основѣ его мыслямъ), я назову *работой анализа*. Что касается, наконецъ, всѣхъ остальныхъ относящихся сюда проблемъ, а именно: вопроса

о возбудителяхъ сновидѣній, о снѣ, какъ психо-физіологическомъ процессѣ о томъ, откуда берется матеріалъ для сновидѣній, о томъ, имѣютъ ли сны какое-либо значеніе, и отчего они такъ скоро забываются, то при разработкѣ этихъ вопросовъ я буду пользоваться исключительно только скрытымъ содержаніемъ сновъ. Причина всѣхъ тѣхъ противорѣчій и заблужденій, которыми такъ изобилуетъ литература даннаго вопроса, заключается, на мой взглядъ, въ томъ, что не подозрѣваютъ о существованіи скрытаго содержанія сновъ, доступнаго намъ только благодаря спеціальному анализу; въ виду этого я буду стараться, насколько это возможно, не смѣшивать явнаго содержанія сновидѣній съ тѣми скрытыми мыслями, которыя лежали въ ихъ основѣ.

III.

Особеннаго интереса заслуживаетъ преобразованіе скрытаго содержанія сновидѣній въ явное. Это едва-ли не первый примѣръ того, какъ рядъ нашихъ мыслей, выраженныхъ вначалѣ вполнѣ понятно, принимаетъ затѣмъ другую, непонятную форму; хотя эта вторая форма и явилась результатомъ нашей же душевной дѣятельности, однако пониманіе ея сопряжено съ большимъ трудомъ и требуетъ спеціальныхъ пріемовъ изслѣдованія. Всѣ сны можно раздѣлить на три категоріи, смотря по отношенію, существующему между скрытымъ и явнымъ ихъ содержаніемъ. Къ первой категоріи относятся тѣ сновидѣнія, которыя являются *осмысленными* и вмѣстѣ съ тѣмъ *понятными*, т. е. прямо и непосредственно связанными со всею нашей душевной жизнью. Такихъ сновидѣній много; они обыкновенно бываютъ коротки и кажутся намъ въ общемъ мало замѣчательными, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего удивительнаго или страннаго, Ихъ существованіе можетъ служить сильнымъ аргументомъ противъ того взгляда, будто бы причина сновидѣній заключается въ разрозненной дѣятельности отдѣльныхъ клѣточныхъ группъ мозговой коры. Въ этихъ сновидѣніяхъ совсѣмъ не замѣчается признаковъ пониженной или нарушенной психической дѣятельности, и тѣмъ не менѣе никто не станетъ отрицать того, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ настоящими сновидѣніями, и не смѣшаетъ ихъ съ дѣятельностью бодрствующаго сознанія.

Вторую категорію образуютъ тѣ сновидѣнія, которыя будучи связными и осмысленными, все же однако *поражаютъ* насъ, такъ какъ содержаніе ихъ не имѣетъ ничего общаго съ нашей душевной жизнью. Я вижу, напр., во снѣ, что мой близкій родственникъ умеръ отъ чумы, тогда какъ въ дѣйствительности нѣтъ рѣшительно никакого основанія предполагать или опасаться этого, такъ что я удивленно спрашиваю себя: „откуда могла зародиться у меня подобная мысль?“

Къ третьей категоріи, наконецъ, относятся сновидѣнія, лишенныя какъ смысла, такъ и понятности и кажущіяся намъ *безсвязными, запутанными и безсмысленными.* Значительное большинство нашихъ сновидѣній принадлежитъ къ этой послѣдней категоріи; именно благодаря такимъ сновидѣніямъ установилось пренебрежительное отношеніе къ снамъ вообще, а также возникла медицинская теорія, разсматривающая сонъ, какъ проявленіе ограниченной душевной дѣятельности. Длинные и сложные сны въ особенности часто заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе значительныя неясности.

Противоположность между явнымъ и скрытымъ содержаніемъ сна существуетъ очевидно только въ сновидѣніяхъ второй и въ особенности третьей категоріи. Здѣсь именно встрѣчаемся мы съ загадкой, которая разрѣшается только въ томъ случаѣ, если явное содержаніе сна замѣнить скрытымъ; весь нашъ предыдущій анализъ былъ произведенъ какъ разъ надъ однимъ изъ такихъ запутанныхъ и непонятныхъ сновидѣній. При этомъ мы совершенно неожиданно натолкнулись на нѣкоторыя затрудненія, не позволившія намъ вполнѣ ознакомиться съ скрытымъ содержаніемъ сновидѣнія; неоднократное повтореніе подобнаго опыта дало намъ поводъ подозрѣвать, что *непонятность* и *запутанность сновидѣнія находится въ тѣсной и закономѣрной связи съ тѣми трудностями, которыя мы встрѣчаемъ при передачѣ его скрытаго содержанія.*

Но прежде, чѣмъ заняться изученіемъ этой связи, разсмотримъ сначала болѣе понятные сны первой категоріи, въ которыхъ явное и скрытое содержаніе совпадаютъ, и слѣдовательно совершенно отсутствуетъ процессъ, названный нами работою сна. Есть еще одно соображеніе, заставляющее насъ заняться прежде всего первой категоріей снови-

дѣній. Дѣло въ томъ, что всѣ дѣтскіе сны относятся именно къ этой категоріи, будучи обыкновенно осмысленными и вполнѣ понятными; это обстоятельство, кстати сказать, является новымъ возраженіемъ противъ того взгляда, будто бы въ основѣ сновидѣній лежитъ разрозненная дѣятельность мозговыхъ клѣтокъ: вѣдь если у взрослыхъ душевная дѣятельность такъ нарушается, то тѣмъ болѣе мы должны были бы ожидать того же у дѣтей,—а между тѣмъ въ дѣйствительности наблюдается нѣчто совершенно противоположное.

Изслѣдованіе дѣтскихъ сновидѣній представляетъ для насъ также ту выгоду, что душевные процессы у дѣтей отличаются гораздо меньшей сложностью, чѣмъ у взрослыхъ; поэтому анализъ душевной жизни ребенка является необходимой подготовительной работой къ изученію психологіи взрослаго человѣка.

Вотъ нѣсколько дѣтскихъ сновъ, которые я могу привести изъ своихъ личныхъ наблюденій. Дѣвочка 19 мѣсяцевъ была продержана весь день на строгой діэтѣ, такъ какъ утромъ у нея была рвота, и няня сказала, что она засорила себѣ желудокъ земляникой. Ночью послѣ этого дня, проведеннаго впроголодь, дѣвочка во снѣ назвала вслухъ свое имя и прибавила: „*земляника, яичница, кашка*". Очевидно, ей приснилось, что она обѣдаетъ, причемъ особое вниманіе привлекали именно тѣ кушанья, которыхъ ей въ ближайшіе дни не придется попробовать. 22 мѣсячный мальчикъ, который за день передъ тѣмъ поднесъ въ подарокъ своему дядѣ корзиночку вишенъ, получивъ позволеніе съѣсть изъ нихъ только нѣсколько ягодъ на пробу, просыпается на слѣдующее утро съ радостнымъ возгласомъ: „Германъ всѣ вишни съѣлъ". Желаніе, преслѣдовавшее его наканунѣ, осуществилось во снѣ.—Дѣвочка 3¹/₄ лѣтъ участвовала въ поѣздкѣ по озеру; когда пришлось выходить на берегъ, она плакала, желая еще покататься. На другое утро она разсказала, что во снѣ каталась по озеру, т. е., значитъ, продолжала прерванную поѣздку. — 5¹/₄ лѣтній мальчикъ остался, повидимому, очень недоволенъ прогулкой въ окрестности горы Дахштейнъ. Увидѣвъ по дорогѣ какую нибудь гору, онъ все спрашивалъ, не это ли Дахштейнъ, и даже не захотѣлъ идти вмѣстѣ съ другими смотрѣть водопадъ. Его нежеланіе продолжать прогулку объяснили усталостью, а настоящая причина открылась только на другой день, когда онъ разска-

залъ, что *подымался во снѣ на гору Дахштейнъ*. Ребенокъ очевидно ожидалъ, что восхожденіе на Дахштейнъ являлось цѣлью прогулки, и былъ очень огорченъ, когда желаніе его не исполнилось. Сонъ далъ ему то, чего не удалось получить днемъ.— Точно такой же сонъ видѣла 6-тилѣтняя дѣвочка, которая, гуляя съ отцомъ, должна была вернуться съ полдороги, такъ какъ было слишкомъ поздно. На обратномъ пути ей попалась на глаза доска съ указаніемъ дороги въ другое мѣсто для прогулокъ, и отецъ обѣщалъ въ слѣдующій разъ повести ее и туда. На другой день дѣвочка сообщила отцу, что видѣла во снѣ, какъ *они съ нимъ побывали въ обоихъ названныхъ мѣстахъ*.

Общая черта этихъ дѣтскихъ сновидѣній бросается въ глаза. Всѣ они содержатъ выполненіе желаній, возникшихъ въ теченіе дня и оставшихся неудовлетворенными. Ихъ можно назвать *простымъ и незамаскированнымъ исполненіемъ желаній*.

Ничѣмъ инымъ, какъ исполненіемъ желанія является также слѣдующій, на первый взглядъ не совсѣмъ понятный дѣтскій сонъ. Дѣвочка, не достигшая еще 4 лѣтняго возраста, по случаю заболѣванія поліоміэлитомъ, была привезена въ городъ и ночевала у своей бездѣтной тетки на большой кровати, которая для нея была, конечно, слишкомъ велика. Утромъ на другой день дѣвочка разсказала, что ей снилось, будто *кровать была слишкомъ мала, такъ что она не могла на ней помѣститься*. Объяснить этотъ сонъ не трудно, если мы вспомнимъ, какъ часто дѣти высказываютъ желаніе «*сдѣлаться большими*». Несоразмѣрно большая кровать черезчуръ наглядно напоминала ребенку о его маленькомъ ростѣ, за то во снѣ ребенокъ устроилъ все такъ, какъ ему хотѣлось, т. е. сдѣлался такимъ большимъ, что не могъ помѣститься на большой кровати.

Даже въ самыхъ сложныхъ и утонченныхъ дѣтскихъ сновидѣніяхъ всегда проглядываетъ исполненіе какихъ нибудь неудовлетворенныхъ желаній. 8-милѣтнему мальчику снится, будто онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Ахилломъ въ боевой колесницѣ, которой управлялъ Діомедъ. Оказалось, что передъ тѣмъ онъ съ увлеченіемъ читалъ повѣствованія о греческихъ герояхъ; легко предположить, что этихъ героевъ онъ взялъ себѣ за образецъ и жалѣлъ о томъ, что не жилъ въ ихъ время.

Изъ этого ряда примѣровъ выясняется также и другая характерная черта дѣтскихъ сновидѣній, именно, ихъ *связь съ событіями ближайшихъ дней.* Желанія, исполняющіяся во снѣ, возникли обыкновенно наканунѣ или еще чаще день тому назадъ и въ бодрственномъ состояніи сопровождались интенсивной чувственной окраской. Все несущественное и безразличное, а также все то, что самому ребенку казалось таковымъ, нисколько не отражается на содержаніи сновидѣній.

У взрослыхъ также можно собрать много примѣровъ подобныхъ сновидѣній дѣтскаго типа, но сновидѣнія эти, какъ мы уже говорили, отличаются значительною бѣдностью содержанія. Такъ, напр., если спящему человѣку захочется пить, то въ сновидѣніи онъ обыкновенно утоляетъ свою жажду; спящій какъ бы пытается этимъ путемъ удовлетворить возникшую потребность, чтобы она не мѣшала ему продолжать сонъ. Иногда, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣку необходимо проснуться, ему передъ самымъ пробужденіемъ снится, что онъ уже всталъ, умывается, или же, что онъ находится въ школѣ, въ бюро, вообще тамъ, гдѣ онъ долженъ былъ находиться въ опредѣленный часъ. Въ ночь передъ путешествіемъ намъ нерѣдко снится, будто мы уже прибыли. Наканунѣ спектакля или вечера у знакомыхъ сновидѣніе нерѣдко рисуетъ намъ предстоящее удовольствіе, какъ бы въ нетерпѣніи предвосхищая его. Въ другихъ случаяхъ исполненіе желанія проявляется нѣсколько болѣе косвеннымъ образомъ; приходится установить нѣкоторыя отношенія и сдѣлать нѣкоторые выводы, т. е. произвести уже извѣстную объяснительную работу для того, чтобы исполненіе желанія сдѣлалось очевиднымъ. Такъ, напр., одинъ господинъ разсказывалъ мнѣ, что его молодая жена видѣла во снѣ, будто у ней наступили регулы. Слѣдуетъ предположить, что молодая женщина ожидала беременности, во время которой регулы должны были прекратиться. Въ такомъ случаѣ сновидѣніе ея имѣетъ связь съ вопросомъ о ея беременности и является выполненіемъ ея желанія, чтобы беременность не наступала еще въ теченіи нѣкотораго времени.

Очень часто изъ всего сновидѣнія, длиннаго, сложнаго и въ общемъ запутаннаго, рѣзко выдѣляется именно та часть, которая содержитъ въ себѣ ясное и несомнѣнное исполненіе желанія, хотя она въ то же время неразрывно свя-

зана со всѣми остальными частями. Анализируя сны взрослыхъ людей, даже такіе, которые на первый взглядъ кажутся намъ простыми, мы замѣчаемъ къ своему удивленію, что всѣ они гораздо сложнѣе дѣтскихъ сновидѣній, и кромѣ исполненія желаній скрываютъ въ себѣ обыкновенно еще какой нибудь другой смыслъ.

Вопросъ о происхожденіи сновидѣній рѣшился бы просто и удовлетворительно въ томъ случаѣ, если бы анализъ далъ намъ возможность всѣ безсмысленныя и запутанныя сновидѣнія взрослыхъ свести къ типу дѣтскихъ сновъ, т. е. къ исполненію какихъ либо интенсивныхъ желаній, возникшихъ въ теченіи дня. Дѣйствительность на первый взглядъ не соотвѣтствуетъ подобному предположенію. Содержаніе сновидѣній большею частью отличается полнымъ безразличіемъ, странностью и не имѣетъ никакого отношенія къ исполненію желаній.

Прежде чѣмъ покончить съ разборомъ дѣтскихъ сновидѣній, содержаніе которыхъ почти всегда сводится къ выполненію желанія, намъ хотѣлось бы упомянуть еще объ одной, давно уже отмѣченной ихъ особенности; хотя эта особенность свойственна всѣмъ вообще сновидѣніямъ, но въ дѣтскихъ снахъ она выступаетъ съ наибольшею яркостью. Каждый изъ этихъ сновъ содержитъ какое нибудь пожеланіе: ахъ, если бы покататься по озеру еще дольше; если бъ я уже былъ умытъ и одѣтъ; если бъ можно было мнѣ самому съѣсть вишни, а не отдавать ихъ дядѣ. Но кромѣ этихъ пожеланій, сонъ даетъ намъ также и нѣчто другое. Онъ осуществляетъ наши желанія, представляетъ то, къ чему мы стремились, уже существующимъ на самомъ дѣлѣ и воплощеннымъ въ живые, конкретные и картинные образы, большею частью зрительнаго характера. Такимъ образомъ, и здѣсь происходитъ своего рода переработка или, какъ мы назвали этотъ процессъ выше, дѣятельность сна: мысль, выраженная въ желательномъ наклоненіи, превращается въ дѣйствительность, происходящую передъ нашими глазами.

IV.

Намъ кажется, что тѣ образы и картины, которые составляютъ содержаніе болѣе запутанныхъ сновидѣній, также имѣютъ въ своей основѣ выполненіе желаній, хотя, можетъ

быть, пожеланіе и не было выражено такъ ясно. По крайней мѣрѣ въ томъ сновидѣніи, подробный анализъ котораго былъ произведенъ нами выше, есть два мѣста, заставляющія подозрѣвать нѣчто подобное. Анализъ привелъ насъ къ воспоминанію о томъ, какъ моя жена за столомъ удѣляла слишкомъ много вниманія другимъ мужчинамъ, что было для меня не совсѣмъ пріятно; въ *противоположность* этому г-жа Е. Л., замѣщающая въ сновидѣніи мою жену, поворачивается ко мнѣ всѣмъ корпусомъ. Но вѣдь единственное желаніе, которое могло явиться у меня послѣ непріятной сцены за столомъ, состояло бы именно въ томъ, чтобы все случилось какъ разъ наоборотъ; такую противоположную картину и даетъ мой сонъ. Совершенно такое же отношеніе существуетъ между фразою г-жи Е. Л. „у Васъ всегда были такіе красивые глаза", и тѣмъ горькимъ сознаніемъ, полученнымъ путемъ анализа, что въ жизни мнѣ ничего не доставалось даромъ. И здѣсь, слѣдовательно, разница между явнымъ и скрытымъ содержаніемъ сна обусловливается выполненіемъ скрытаго желанія.

Гораздо большею очевидностью отличается другое проявленія той безсознательной работы, благодаря которой у насъ возникаютъ безсвязныя сновидѣнія. Если взять любое сновидѣніе и сравнить заключающееся въ немъ небольшое количество мыслей и образовъ съ тѣмъ обширнымъ матеріаломъ, который мы получили путемъ анализа и слѣды котораго отражаются въ самомъ сновидѣніи, то не трудно убѣдиться, насколько значительному сжатію, такъ сказать, *сгущенію* долженъ былъ подвергнуться весь этотъ матеріалъ. На первый взглядъ трудно бываетъ судить о размѣрахъ этого сгущенія, и только по мѣрѣ того, какъ мы углубляемся въ анализъ сновидѣній, процессъ сгущенія выступаетъ все съ большей ясностью. Оказывается, что во всемъ сновидѣніи нѣтъ ни одного образа, отъ котораго не шли бы ассоціативныя нити въ трехъ и болѣе направленіяхъ, ни одной сцены, которая не была бы составлена изъ трехъ и болѣе отдѣльныхъ впечатлѣній и переживаній. Такъ, напр., однажды я видѣлъ во снѣ нѣчто вродѣ бассейна, въ которомъ во всѣхъ направленіяхъ плавали купальщики; на краю бассейна стоялъ человѣкъ, наклонившійся къ одному изъ купающихся, какъ бы съ намѣреніемъ его вытащить. Матеріаломъ для этой сцены, какъ потомъ оказалось, послужили двѣ картины, изъ

которыхъ одну я видѣлъ незадолго передъ сномъ и одно воспоминаніе изъ времен моей юности. Картины были слѣдующія: переполохъ въ купальнѣ, изъ Швиндовскаго цикла *Мелюзина* (обратить вниманіе на купальщиковъ, плывущихъ во всѣ стороны!) и изображеніе потопа одного итальянскаго художника. Воспоминаніе же состояло въ томъ, что я видѣлъ однажды, какъ завѣдующій купальней помогалъ выйти изъ воды одной дамѣ, не успѣвшей выкупаться до наступленія мужского часа. Въ томъ примѣрѣ, который подробно былъ разобранъ нами выше, анализъ приводитъ къ небольшому ряду воспоминаній, изъ которыхъ каждое съ своей стороны внесло что нибудь въ содержаніе сновидѣнія. Прежде всего — небольшая, относящаяся ко времени моего сватовства сценка, уже описанная мною выше; пожатіе руки подъ столомъ, явившееся отвѣтомъ на мое предложеніе, доставило для сновидѣнія деталь „подъ столомъ", которую мнѣ впослѣдствіи пришлось включить въ свои воспоминанія. Однако обращенія („поворачивается ко мнѣ") въ этой сценкѣ не было; изъ анализа мы узнаемъ, что элементъ обращенія есть не что иное, какъ выполненіе желанія, вызваннаго непріятнымъ для меня поведеніемъ жены за табльдотомъ. Но за этимъ недавнимъ воспоминаніемъ скрывается совершенно такая же сценка, происшедшая во время моего обрученія и разсорившая насъ на цѣлый день.

Довѣрчивость, съ которой рука была положена на колѣно, относится уже къ другому разряду воспоминаній и совершенно къ другимъ лицамъ. Этотъ послѣдній элементъ является въ свою очередь исходнымъ пунктомъ для двухъ новыхъ рядовъ воспоминаній и т. д.

Мысли, служащія матеріаломъ для возникновенія сновидѣній, должны быть, разумѣется, уже заранѣе пригодными для этой цѣли. Необходимо, чтобы всѣ онѣ имѣли одну или нѣсколько какихъ либо *общихъ* чертъ. Въ данномъ случаѣ дѣятельность сна напоминаетъ тѣ пріемы, при помощи которыхъ Францисъ Гальтонъ получалъ свои извѣстныя фамильныя фотографіи. Различныя мысли, образующія сновидѣніе, какъ бы наслаиваются другъ на друга; при этомъ общіе элементы отчетливо выступаютъ на первый планъ, а всѣ противорѣчивыя подробности взаимно уничтожаются. Слѣдствіемъ подобнаго процесса является отчасти та своеобразная расплывчатость и неустойчивость, которая такъ

свойственна многимъ элементамъ сновидѣнія. Придерживаясь этого взгляда, мы придемъ къ слѣдующему выводу: если анализъ сновидѣнія приведетъ насъ къ какой нибудь неясности, которая можетъ быть истолкована двоякимъ образомъ, то слѣдуетъ принимать во вниманіе оба толкованія, дѣлая каждое изъ нихъ исходнымъ пунктомъ для цѣлаго ряда побочныхъ мыслей.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отдѣльныя мысли, лежащія въ основѣ сновидѣнія, не имѣютъ между собой ничего общаго, дѣятельность сна стремится создать это общее.

Наиболѣе удобный способъ сблизить между собой двѣ совершенно различныя мысли состоитъ въ томъ, чтобы измѣнить ихъ словесную формулировку, причемъ обѣ мысли должны быть измѣнены взаимно соотвѣтствующимъ образомъ. Совершенно такимъ же пріемомъ пользуются при сочиненіи риѳмованныхъ стиховъ, когда отсутствующая связь между двумя мыслями замѣняется созвучіемъ. Дѣятельность сна сводится въ значительной степени именно къ созданію подобныхъ, иногда очень остроумныхъ, обыкновенно же довольно натянутыхъ промежуточныхъ мыслей, составляющихъ связующее звено между самимъ сновидѣніемъ и тѣми, различными по формѣ и содержанію скрытыми мыслями, которыя лежатъ въ его основѣ. Въ нашемъ примѣрѣ, подробно анализированномъ выше, есть одинъ случай такого измѣненія мысли съ цѣлью приблизить ее къ другой, чуждой ей по своему содержанію. Путемъ анализа я наталкиваюсь на слѣдующее пожеланіе: *мнѣ хотѣлось бы получить что нибудь даромъ.* Въ такой формѣ, однако, мысль эта не можетъ быть представлена въ сновидѣніи, и потому она измѣняется слѣдующимъ образомъ: *мнѣ хотѣлось бы получить что нибудь безъ всякихъ издержекъ.* Слово издержки (kosten) вторымъ своимъ значеніемъ (kosten —пробовать) напоминаетъ о табльдотѣ; благодаря этому второму значенію и возникаетъ во снѣ представленіе о шпинатѣ, который ѣли во время обѣда.

Когда за обѣдомъ подаютъ кушанье, которое не нравится дѣтямъ, и они отъ него отказываются, то мать обыкновенно ласково уговариваетъ ихъ *хоть немножко попробовать.* На первый взглядъ намъ можетъ показаться страннымъ, что двоякое значеніе словъ играетъ такую важную роль въ образованіи сновидѣній; однако, продолжительный опытъ показалъ намъ, что явленіе это встрѣчается довольно часто.

Благодаря „сгущающей“ дѣятельности сна, возникаютъ своеобразныя представленія, свойственныя только сновидѣніямъ и никогда не встрѣчающіяся въ бодрственномъ состояніи. Сюда относятся *смѣшанныя или составныя человѣческія фигуры*, а также причудливыя *составныя* фигуры, напоминающія собою фантастическихъ звѣрей изъ восточныхъ сказокъ, но отличающіяся отъ нихъ своимъ неистощимымъ разнообразіемъ и постоянной измѣнчивостью.

Каждый изъ насъ видѣлъ во снѣ такіе смѣшанные образы. Происхожденіе ихъ бываетъ весьма различно. Такъ, можно составить человѣческую фигуру, если взять по нѣскольку чертъ отъ двухъ различныхъ людей и соединить ихъ вмѣстѣ, или же представить себѣ одного изъ нихъ, давъ ему чужое имя, или же, наконецъ, вообразить человѣка въ такомъ положеніи, которое ему совершенно не свойственно. Во всѣхъ этихъ случаяхъ соединеніе нѣсколькихъ лицъ въ одну общую фигуру имѣетъ извѣстный смыслъ: оно указываетъ на то, что всѣ данныя лица имѣютъ между собой что-нибудь общее. Эта общность ихъ проявляется иногда уже въ самомъ сновидѣніи, въ большинствѣ же случаевъ ее удается обнаружить только при помощи анализа, такъ какъ до нашего сознанія во снѣ доходитъ обыкновенно лишь конечный результатъ происшедшаго сліянія.

Всѣ тѣ безконечно богатые смѣшанные образы, которые мы видимъ въ своихъ сновидѣніяхъ, и примѣры которыхъ я считаю излишнимъ приводить здѣсь, возникаютъ вышеописаннымъ образомъ и, слѣдовательно, при ихъ анализѣ нужно употреблять одни и тѣ же пріемы. Образы эти перестанутъ намъ казаться странными, если мы твердо будемъ помнить, что передъ нами имѣются не обыкновенныя впечатлѣнія, полученныя извнѣ, а результатъ „сгущающей“ дѣятельности сна, стремящейся изъ цѣлаго ряда объектовъ выдѣлить нѣкоторыя общія имъ всѣмъ черты. Эти общія черты можно разыскать большею частью только при помощи анализа. Разсматривая самое содержаніе сна, мы можемъ только сказать: всѣ образы, входящіе въ составъ его, имѣютъ между собою что-то общее. Анализируя же эти смѣшанные образы, мы нерѣдко выясняемъ себѣ безъ особеннаго труда скрытый смыслъ даннаго сновидѣнія. Такъ, однажды мнѣ снилось, что мы съ моимъ бывшимъ университетскимъ профессоромъ сидимъ на скамейкѣ, быстро движу-

щейся впередъ между другими скамейками. Получилось нѣчто вродѣ сочетанія аудиторіи съ движущимся тротуаромъ. Въ дальнѣйшій анализъ этого сновидѣнія я здѣсь входить не буду.

Въ другой разъ мнѣ приснилось, будто я ѣду въ вагонѣ и держу на колѣняхъ стеклянный прозрачный предметъ, напоминающій по своей формѣ шляпу-цилиндръ. При воспоминаніи объ этомъ снѣ тотчасъ-же приходитъ на умъ поговорка: „со шляпой въ рукѣ можно весь свѣтъ обойти". Стеклянный цилиндръ мало-по-малу навелъ меня на мысль объ Ауэровской горѣлкѣ, и я подумалъ о томъ, какъ хорошо было-бы сдѣлать какое-нибудь открытіе, которое обогатило-бы меня и сдѣлало-бы независимымъ, подобно моему земляку, доктору Ауэру изъ Вельсбаха; въ такомъ случаѣ я не сталъ-бы сидѣть въ Вѣнѣ, а поѣхалъ-бы путешествовать. И вотъ, во снѣ я уже путешествую, держа на колѣняхъ свое (къ сожалѣнію, еще не вошедшее во всеобщее употребленіе) изобрѣтеніе, именно, шляпу-цилиндръ, сдѣланную изъ стекла. Въ особенности часто встрѣчаются въ сновидѣніяхъ такіе смѣшанные образы, которые являются сочетаніемъ противоположностей; сюда, напримѣръ, относится сновидѣніе, въ которомъ стебель лиліи (символъ невинности) представлялся покрытымъ цвѣтками камеліи. Все изложенное нами выше относительно „сгущающей" дѣятельности сна можно выразить въ слѣдующей формулѣ: Образы, видимые нами во снѣ, возникаютъ подъ вліяніемъ мыслей, лежащихъ въ основѣ даннаго сновидѣнія, при чемъ въ каждомъ отдѣльномъ образѣ отражается не только одна какая-нибудь мысль, но цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ мыслей, иногда ничѣмъ не связанныхъ между собою. Каждый элементъ сновидѣнія является въ настоящемъ смыслѣ слова представителемъ для всего того матеріала, изъ котораго образовалось данное сновидѣніе. Дальнѣйшій анализъ показываетъ намъ, однако, что отношеніе между сновидѣніемъ и мыслями, лежащими въ его основѣ, представляется еще болѣе сложнымъ. Если каждый изъ элементовъ сновидѣнія возникаетъ подъ вліяніемъ нѣсколькихъ скрытыхъ мыслей, то, съ другой стороны, и каждая изъ этихъ скрытыхъ мыслей имѣетъ въ сновидѣніи не одного, а нѣсколькихъ представителей; ассоціаціонныя связи, исходящія отъ нѣсколькихъ скрытыхъ мыслей, не просто соединяются въ одной точкѣ,

образуя тотъ или иной элементъ сновидѣнія, но предварительно много разъ перекрещиваются и переплетаются другъ съ другомъ.

На ряду съ „драматизированіемъ", т. е. превращеніемъ мыслей въ картины, „сгущеніе" является самымъ важнымъ и характернымъ проявленіемъ дѣятельности сна. Что-же касается мотива, вызывающаго этотъ процессъ сгущенія, то о немъ намъ пока еще ничего неизвѣстно.

V.

Однако, происхожденіе тѣхъ сложныхъ и запутанныхъ сновъ, которые насъ здѣсь больше всего интересуютъ, нельзя объяснить всецѣло при помощи двухъ только что описанныхъ моментовъ,—сгущенія и драматизированія. Есть признаки, свидѣтельствующіе о томъ, что въ подобныхъ случаяхъ участвуетъ еще какой-то третій факторъ; чтобы его выяснить, мы и постараемся прежде всего тщательно изслѣдовать эти признаки.

Прежде всего приходится отмѣтить, что содержаніе сновидѣнія нерѣдко значительно отличается отъ содержанія тѣхъ скрытыхъ мыслей, которыя лежатъ въ его основѣ. Правда, болѣе точное изслѣдованіе убѣждаетъ насъ въ томъ, что это различіе только кажущееся, такъ какъ на самомъ дѣлѣ матеріаломъ для образованія сновидѣнія послужили именно эти скрытыя мысли, и почти каждая изъ нихъ имѣетъ въ данномъ сновидѣніи своихъ представителей; однако, нѣкоторая разница здѣсь все таки существуетъ. Очень часто анализъ показываетъ намъ, что тѣ образы, которые составляютъ самую существенную часть сновидѣнія и развиты въ немъ съ наибольшей отчетливостью и полнотою, возникли изъ мыслей, имѣющихъ для меня лишь второстепенное значеніе; съ другой стороны, мысли очень важныя и существенныя для меня иногда совершенно отсутствуютъ въ сновидѣніи или же играютъ въ немъ очень не значительную роль. Этотъ фактъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ: во время дѣятельности сна происходитъ извѣстное перемѣщеніе психической интенсивности, состоящее въ томъ, что нѣкоторыя важныя представленія и мысли лишаются своего господствующаго значенія, и на первый

планъ выступаютъ другія, по моему мнѣнію, этого вовсе не заслуживающія. Этотъ процессъ больше всѣхъ другихъ затемняетъ истинный смыслъ сновидѣній и мѣшаетъ намъ уловить связь между содержаніемъ сновидѣнія и скрытыми мыслями, лежащими въ его основѣ. Благодаря этому процессу, который можно назвать *перемѣщеніемъ интенсивности*, живыя чувственныя впечатлѣнія гораздо больше трогаютъ насъ во снѣ, нежели самыя важныя мысли, способныя возбудить сильное и глубокое чувство. Все ясное и отчетливое кажется намъ во снѣ и наиболѣе важнымъ, а между тѣмъ какая-нибудь мелкая, незначительная подробность можетъ выражать собою какъ разъ тѣ самыя мысли, которыя имѣютъ для меня наибольшее значеніе.

То, что мы назвали перемѣщеніемъ интенсивности, можно было бы назвать также переоцѣнкой психическихъ цѣнностей. Однако, для полной характеристики даннаго процесса необходимо добавить, что подобное перемѣщеніе или переоцѣнка далеко не во всѣхъ снахъ бываютъ выражены въ одинаковой степени. Въ нѣкоторыхъ снахъ перемѣщеніе почти отсутствуетъ, благодаря чему они кажутся намъ наиболѣе осмысленными и понятными; сюда, напр., относятся всѣ сны, являющіеся исполненіемъ желаній. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ. скрытыя мысли, превращаясь въ сновидѣніе, утрачиваютъ отчасти или даже совершенно свою цѣнность, такъ какъ все, что было въ нихъ важнаго, замѣняется различными несущественными подробностями. Между этими двумя крайностями существуетъ цѣлый рядъ постепенныхъ переходовъ. Чѣмъ больше запутаннымъ и неяснымъ кажется намъ сновидѣніе, тѣмъ большую роль игралъ въ его возникновеніи процессъ перемѣщенія.

Въ примѣрѣ, выбранномъ нами для анализа, также можно наблюдать подобное перемѣщеніе интенсивности; по крайней мѣрѣ, *центръ тяжести* сновидѣнія сосредоточенъ въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ это было въ тѣхъ скрытыхъ мысляхъ, которыя повели къ образованію сна. Главный интересъ сновидѣнія сосредототивается на той сценѣ, когда Г-жа Е. Л. кокетничаетъ со мной: между тѣмъ центръ тяжести скрытыхъ мыслей заключается въ желаніи воспользоваться когда-нибудь безкорыстными услугами, которыя „ничего не стоятъ", при чемъ мысль эта замаскирована фразою относительно пре-

красныхъ глазъ и отдаленнымъ намекомъ, заключавшимся въ словѣ „шпинатъ“.

Устраняя въ каждомъ данномъ случаѣ при помощи анализа перемѣщеніе интенсивности, вызванное дѣятельностью сна, мы можемъ получить точныя данныя для рѣшенія двухъ спорныхъ проблемъ: вопроса о возбудителяхъ сновидѣній и вопроса о связи сновидѣній съ сознаніемъ бодрствующаго человѣка. Въ нѣкоторыхъ сновидѣніяхъ связь ихъ съ переживаніями дня выступаетъ чрезвычайно отчетливо; въ другихъ снахъ, наоборотъ, связь эта на первый взглядъ совершенно отсутствуетъ. Однако, примѣняя анализъ, мы можемъ убѣдиться, что во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ сновидѣніе возникаетъ подъ вліяніемъ какого-нибудь впечатлѣнія, полученнаго въ теченіе послѣднихъ дней или, вѣрнѣе сказать, втеченіе того дня, который непосредственно предшествовалъ сновидѣнію. Впечатлѣніе, сыгравшее роль возбудителя, оказывается иногда настолько важнымъ, что и въ бодрственномъ состояніи оно сосредоточиваетъ на себѣ все наше вниманіе; въ подобныхъ случаяхъ сонъ является прямымъ продолжателемъ жизни и интересовъ бодрствующаго сознанія. Въ большинствѣ же случаевъ тѣ дневныя впечатлѣнія, которыя служатъ возбудителями сновъ, бываютъ настолько маловажны и незначительны, что мы сами можемъ припомнить ихъ только съ нѣкоторымъ усиліемъ. Содержаніе сна, хотя бы даже вполнѣ связное и осмысленное, кажется намъ въ подобныхъ случаяхъ пустымъ и безсодержательнымъ, совершенно не стоющимъ того, чтобы имъ заниматься въ бодрственномъ состояніи. Презрительное отношеніе къ снамъ вытекаетъ въ значительной степени именно изъ того факта, что содержаніе сновидѣній представляется намъ въ большинствѣ случаевъ малозначущимъ и совершенно неинтереснымъ.

Анализъ показываетъ намъ всю неосновательность подобныхъ воззрѣній. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда содержаніе сновидѣнія кажется намъ безразличнымъ, анализъ доказываетъ, что въ основѣ даннаго сновидѣнія лежитъ какое-нибудь важное, сильно насъ затрагивающее переживаніе, соединенное при помощи многочисленныхъ ассоціативныхъ связей съ тѣми маловажными образами, которые мы видѣли во снѣ. Анализируя сновидѣнія, даже самыя незначительныя и неинтересныя, мы всякій разъ убѣждаемся въ

томъ, что содержаніе ихъ, само по себѣ не имѣющее для насъ никакой цѣны, тѣсно связано съ нѣкоторыми чрезвычайно важными и существенными объектами нашей душевной жизни. *Только благодаря вышеупомянутому перемѣщенію интенсивности тѣ важныя и близко насъ затрагивающія впечатлѣнія, которыя лежатъ въ основѣ сновидѣній, замѣняются во снѣ безразличнымъ и малоинтереснымъ матеріаломъ.* Если разсмотрѣть вопросъ о возбудителяхъ сновидѣній и о зависимости, существующей между сновидѣніемъ и событіями повседневной жизни, съ той новой точки зрѣнія, которую даетъ намъ замѣна явнаго содержанія сновъ скрытымъ, то придется сказать слѣдующее: *во снѣ мы никогда не занимаемся тѣми вещами, которыя не интересовали-бы насъ также и втеченіе дня; все же мелкое и незначительное столь же мало обращаетъ на себя наше вниманіе во время сна, какъ и въ бодрственномъ состояніи.*

Въ примѣрѣ, выбранномъ нами для анализа, возбудителемъ сновидѣнія явилось поистинѣ ничтожное происшествіе. мой пріятель доставилъ мнѣ возможность *безплатно проѣхаться въ экипажѣ.* Сцена за табльдотомъ, составляющая содержаніе сновидѣнія, заключаетъ въ себѣ намекъ на это незначительное происшествіе, такъ какъ въ разговорѣ съ пріятелемъ я сравнилъ таксомѣръ съ табльдотомъ. Однако, за этимъ ничтожнымъ происшествіемъ скрывается другой, гораздо болѣе важный случай изъ моей жизни. За нѣсколько дней передъ тѣмъ мнѣ пришлось издержать довольно значительную сумму въ пользу одного близкаго и дорогого для меня лица, принадлежащаго къ моей семьѣ. Отсюда у меня явилась лежащая въ основѣ всего сновидѣнія мысль о томъ, что мой родственникъ долженъ быть мнѣ признателенъ, и что любовь его ко мнѣ въ данномъ случаѣ является не вполнѣ „безкорыстной". Между тѣмъ, мы уже видѣли, что безкорыстная любовь занимаетъ первое мѣсто среди тѣхъ скрытыхъ мыслей, которыя повели къ образованію даннаго сновидѣнія. Поѣздка же въ экипажѣ съ пріятелемъ потому напомнила мнѣ о моихъ отношеніяхъ къ этому родственнику, что незадолго передъ тѣмъ я нѣсколько разъ ѣздилъ въ экипажѣ съ этимъ послѣднимъ.

Всѣ тѣ незначительныя впечатлѣнія, которыя, благодаря различнымъ косвеннымъ связямъ, становятся возбудителями сновидѣній, должны удовлетворять одному общему правилу:

происхожденіе их должно быть очень **недавним**, не далѣе, как наканунѣ сновидѣнія; между тѣм, истинныя, болѣе глубокія причины, лежащія в основѣ наших сновидѣній, не должны непремѣнно подчиняться этому правилу.

Прежде чѣм покончить с вопросом о перемѣщеніи интенсивности я должен еще упомянуть об одном замѣчательном явленіи, также относящемся к образованію сновидѣній; в происхожденіи этого явленія участвуют совмѣстно как процесс „перемѣщенія", так и процесс „сгущенія". Говоря ранѣе о процессѣ сгущенія, мы уже видѣли, что если в скрытых мыслях заключаются два представленія, имѣющія между собой что-нибудь общее, то в сновидѣніи они выразятся посредством одного смѣшаннаго образа; болѣе отчетливая часть этого смѣшаннаго образа соотвѣтствует общему содержанію обоих представленій, а неясныя, побочныя подробности тому, что было в них различнаго. Если к подобному сгущенію присоединится еще перемѣщеніе, то в результатѣ получится не смѣшанный образ, а нѣкоторая *средняя величина*, относящаяся к отдѣльным элементам таким же образом, как діагональ в параллелограммѣ сил относится к своим компонентам. Так, например, в одном из моих сновидѣній рѣчь идет о вспрыскиваніях **пропилена**. Подробный анализ приводит меня прежде всего к одному незначительному происшествію в котором извѣстную роль играет **амилен**; происшествіе это и послужило возбудителем сновидѣнія. Тѣм не менѣе причина, почему амилен был замѣнен пропиленом, все еще остается для меня неясной. Продолжая анализ, я убѣждаюсь в том, что с этим же сновидѣніем связано воспоминаніе о первом посѣщеніи Мюнхена, гдѣ меня особенно поразили **пропилеи**. Различныя данныя, полученныя путем анализа, заставляют меня предположить, что именно, благодаря этому воспоминанію, произошла замѣна амилена пропиленом. **Пропилен** явился, так сказать, посредствующим звеном между *амиленом* и *пропилеями*; появленіе его в моем сновидѣніи вызвано своего рода компромиссом, в котором участвовали одновременно процессы сгущенія и перемѣщенія.

Теперь, когда мы изучили процесс перемѣщенія, перед нами встает еще болѣе настойчиво, чѣм прежде, потребность выяснить себѣ, какой мотив заставляет человѣка производить во снѣ столь трудную и загадочную работу.

VI.

Итакъ, главнымъ образомъ, дѣятельности перемѣщенія слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что скрытыя мысли очень трудно бываетъ отыскать и узнать въ самомъ сновидѣніи, при чемъ мотивы подобнаго искаженія остаются нерѣдко загадочными. Однако, на ряду съ этимъ, скрытыя мысли могутъ подвергаться и другого рода преобразованію, менѣе рѣзкому и болѣе доступному для нашего пониманія. Первыя же скрытыя мысли, которыя намъ удается получить при помощи анализа, поражаютъ насъ нерѣдко своимъ необычнымъ способомъ выраженія; онѣ являются передъ нами не въ той обыденной словесной формѣ, которая столь присуща нашему мышленію, но скорѣе въ символической формѣ сравненій и метафоръ, напоминающихъ образный языкъ поэтическихъ произведеній. Не трудно указать мотивъ, заставляющій скрытыя мысли принимать такой способъ выраженія. Содержаніе сновидѣній состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ наглядныхъ картинъ; поэтому скрытыя мысли должны предварительно подвергнуться извѣстному приспособленію, которое позволяло-бы выразить ихъ въ формѣ образовъ. Пусть читатель задается цѣлью представить въ рядѣ рисунковъ содержаніе политической передовицы или защитительной рѣчи въ судебномъ залѣ,—и тогда онъ легко пойметъ тѣ превращенія, которымъ должны подвергнуться скрытыя мысли, для того, чтобы надлежащимъ образомъ быть *представленными въ сновидѣніи.*

Въ числѣ скрытыхъ мыслей, служащихъ матеріаломъ для образованія сновидѣній, находятся очень часто воспоминанія о сильныхъ впечатлѣніяхъ—иногда изъ временъ ранняго дѣтства,—воспринятыхъ въ видѣ образовъ большею частью зрительнаго характера. Вездѣ, гдѣ только возможно, эти воспоминанія оказываютъ направляющее дѣйствіе на образованіе сновидѣній; подобно кристаллизаціонной точкѣ, они привлекаютъ и распредѣляютъ весь остальной матеріалъ, заключающійся въ скрытыхъ мысляхъ. Картины, видимыя нами во снѣ, представляютъ изъ себя часто не что иное, какъ простое воспроизведеніе подобныхъ сильныхъ впечатлѣній, при чемъ эти послѣднія подвергаются обыкновенно нѣкоторымъ измѣненіямъ и дополненіямъ; точное и неизмѣ-

ненное воспроизведеніе дѣйствительныхъ событій сонъ даетъ намъ чрезвычайно рѣдко.

Однако, въ сновидѣніяхъ мы встрѣчаемъ не только законченныя сцены, но также отдѣльные несвязанные зрительные образы, фразы и даже отрывочныя мысли. Поэтому намъ кажется не лишнимъ обозрѣть вкратцѣ всѣ тѣ своеобразные способы и пріемы, благодаря которымъ скрытыя мысли преобразуются въ сновидѣніе.

Скрытыя мысли, получаемыя нами при помощи анализа, представляютъ собою чрезвычайно сложное психическое сочетаніе. Отдѣльныя части этого сочетанія находятся въ самыхъ разнообразныхъ логическихъ отношеніяхъ другъ къ другу; онѣ образуютъ передній и задній фонъ, причины уклоненія, поясненія, доказательства и опроверженія. Почти всегда на ряду съ однимъ какимъ-нибудь теченіемъ мыслей существуетъ также и противоположное теченіе. Матеріалъ этотъ обладаетъ всѣми тѣми же особенностями, которыя свойственны и нашему бодрственному мышленію. Для того, чтобы образовать сновидѣніе, необходимо весь этотъ психическій матеріалъ подвергнуть прежде всего извѣстному сгущенію, затѣмъ расчленить и перемѣстить отдѣльныя его части, образуя изъ нихъ, такъ сказать, новыя поверхности, и, наконецъ, произвести извѣстный выборъ, съ цѣлью наиболѣе удобнаго образованія ряда сценъ. При такой переработкѣ теряются всѣ тѣ логическія связи, которыя ранѣе скрѣпляли и объединяли весь данный матеріалъ. Дѣятельность сна заимствуетъ изъ скрытыхъ мыслей только одно практическое ихъ содержаніе; что же касается до связи между отдѣльными мыслями, то въ самыхъ сновидѣніяхъ она представляется утраченной, и цѣль всякаго толкованія сновъ должна состоять именно въ томъ, чтобы возстановить эту утраченную связь.

На основаніи всего сказаннаго слѣдуетъ признать, что способы выраженія мыслей въ сновидѣніяхъ гораздо болѣе бѣдны, чѣмъ въ бодрственномъ состояніи; тѣмъ не менѣе, и въ сновидѣніяхъ намъ не приходится совершенно отказываться отъ передачи логическихъ отношеній, существующихъ между отдѣльными скрытыми мыслями. Дѣятельность сна обладаетъ достаточнымъ количествомъ средствъ для того, чтобы выразить эти логическія отношенія при помощи особыхъ, свойственныхъ ей пріемовъ.

Однимъ изъ такихъ пріемовъ, позволяющихъ передать въ сновидѣніи ту несомнѣнную связь, которая существуетъ между отдѣльными скрытыми мыслями, является соединеніе всего матеріала, относящагося къ этимъ мыслямъ, въ одну общую сцену. *Логическая связь* замѣняется въ сновидѣніяхъ *сближеніемъ во времени и пространствѣ*, подобно тому, какъ художникъ, рисующій Парнассъ, помѣщаетъ на немъ всѣхъ поэтовъ, которые, правда, никогда не собирались вмѣстѣ на одной горѣ, но зато для нашего мышленія представляются тѣсно связанными другъ съ другомъ. Этотъ пріемъ повторяется всюду до мелочей, такъ что всѣ тѣ образы, которые въ сновидѣніи представляются намъ стоящими одинъ возлѣ другого, соотвѣтствуютъ скрытымъ мыслямъ, тѣсно связаннымъ другъ съ другомъ. Къ этому, впрочемъ, слѣдуетъ добавить, что всѣ сновидѣнія, видѣнныя въ одну и ту же ночь, происходятъ обыкновенно, какъ это показываетъ анализъ, изъ одного и того же круга скрытыхъ мыслей.

Отношеніе *причинности* между двумя скрытыми мыслями или совершенно не передается во снѣ, или же замѣняется отношеніемъ *послѣдовательности* между двумя частями сновидѣнія. При этомъ нерѣдко послѣдовательность мыслей передается неправильно, такъ что начало сновидѣнія заключаетъ въ себѣ слѣдствіе, а конецъ его—причину. Отношеніе же между *причиной* и вызваннымъ ею *дѣйствіемъ* выражается въ сновидѣніи при помощи непосредственнаго *превращенія* одного образа въ другой.

Всѣ тѣ скрытыя мысли, которыя связаны другъ съ другомъ въ формѣ альтернативы („или то—или другое“), передаются въ сновидѣніи послѣдовательно одна за другой, причемъ характеръ альтернативы утрачивается. Наоборотъ, если отдѣльныя части сновидѣнія связаны при помощи союза „или—или“, то въ вскрытыхъ мысляхъ, какъ мы уже упоминали, этому соотвѣтствуетъ связка „и“.

Представленія, которыя въ скрытыхъ мысляхъ являются противоположными другъ другу, выражаются въ сновидѣніи одними и тѣми же элементами. Отрицаніе „не“, повидимому, совершенно не свойственно сновидѣніямъ. Если какая-нибудь скрытая мысль *смѣняется противоположной*, то эта замѣна передается во снѣ чрезвычайно интереснымъ образомъ: превращенію подвергается не та часть сновидѣнія, которая соотвѣтствуетъ данной мысли, а другая, слѣдующая

за нею, такъ что актъ превращенія какъ бы запаздываетъ. О томъ, какимъ образомъ выражается во снѣ *противорѣчіе*, мы еще будемъ имѣть случай говорить впослѣдствіи. Столь частое во снѣ ощущеніе *задержки движеній* выражаетъ, между прочимъ, также противорѣчіе между отдѣльными импульсами, столкновеніе въ волевой сферѣ.

Наиболѣе пригоднымъ механизмъ образованія сновидѣній оказывается для того, чтобы передать логическія отношенія *сходства*, *общности* и *согласованія*. Подобныя отношенія являются опорными пунктами для „сгущающей" дѣятельности сна, такъ какъ всѣ тѣ части скрытыхъ мыслей, которыя между собой согласуются, сливаются въ сновидѣніи въ *одно новое цѣлое*.

Этотъ рядъ короткихъ замѣчаній общаго характера, конечно, недостаточенъ для оцѣнки всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ пріемовъ, при помощи которыхъ передаются во снѣ логическія отношенія, существующія между скрытыми мыслями. Подобная передача логическихъ отношеній бываетъ произведена въ различныхъ сновидѣніяхъ болѣе или менѣе точно, согласованіе сновидѣнія съ лежащими въ его основѣ скрытыми мыслями можетъ быть болѣе или менѣе тщательнымъ. Кромѣ того, самое пользованіе тѣми разнообразными пріемами, которые служатъ для превращенія скрытыхъ мыслей въ сновидѣніе, бываетъ болѣе или менѣе широкимъ; если пріемы эти были недостаточны, то сновидѣніе выходитъ неяснымъ, безсвязнымъ и запутаннымъ. Если же сновидѣніе кажется намъ нелѣпымъ, заключающимъ въ себѣ явную безсмыслицу, то и здѣсь опять таки скрывается опредѣленная цѣль: это кажущееся пренебреженіе всѣми логическими законами служитъ для того, чтобы выразить извѣстное интеллектуальное содержаніе скрытыхъ мыслей. Нелѣпости, замѣченныя нами въ сновидѣніяхъ, выражаютъ собою противорѣчіе, насмѣшку или издѣвательство, заключающіяся въ скрытыхъ мысляхъ. Такъ какъ это объясненіе даетъ намъ наиболѣе сильный доводъ противъ того воззрѣнія, согласно которому сновидѣніе есть продуктъ разрозненной и лишенной критики душевной дѣятельности, то я постараюсь подтвердить свое мнѣніе соотвѣтствующимъ примѣромъ.

«*На одного изъ моихъ знакомыхъ, господина М., обрушился въ одной изъ своихъ статей никто иной, какъ самъ Гете, и притомъ, согласно нашему общему мнѣнію, нападки*

его отличались чрезмѣрной горячностью и несправедливостью. М. былъ этимъ, конечно, совершенно уничтоженъ. Въ одномъ собраніи за обѣдомъ онъ горько жалуется по этому поводу; однако, личная обида нисколько не повліяла на его прежнее благоговѣніе передъ Гёте. Я стараюсь уяснить себѣ отношенія во времени, которыя мнѣ кажутся неправдоподобными. Гёте умеръ въ 1832 году; такъ какъ его нападки на М. происходили, очевидно, раньше его смерти, то М. долженъ былъ быть тогда совершенно молодымъ человѣкомъ. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что ему было тогда не болѣе 18 лѣтъ. Но такъ какъ я не знаю навѣрное, который у насъ теперь годъ, то все вычисленіе кончается ничѣмъ. Я вспоминаю, однако, что нападки на М. заключаются въ извѣстной статьѣ Гёте „Природа“.

Нелѣпость этого сновидѣнія выступитъ еще рѣзче, если я скажу, что М.—молодой коммерсантъ, которому совершенно чужды какіе бы то ни было поэтическіе и литературные интересы. Но стоитъ только проанализировать этотъ сонъ, чтобы увидѣть, сколько методичности и послѣдовательности скрывается за этой кажущейся безсмыслицей. Анализъ показываетъ, что въ данномъ случаѣ сновидѣніе заимствуетъ свой матеріалъ изъ слѣдующихъ источниковъ:

1) Г-нъ М., съ которымъ я познакомился въ одномъ *обществѣ за обѣдомъ*, попросилъ меня однажды освидѣтельствовать его старшаго брата, обнаруживавшаго признаки душевнаго разстройства. Во время разговора съ больнымъ вышла маленькая непріятность: больной безъ всякаго къ тому повода началъ разсказывать о нѣкоторыхъ интимностяхъ, относящихся къ *юношескимъ похожденіямъ* его брата. Далѣе, я спросилъ больного, *въ которомъ году онъ родился* (этому соотвѣтствуетъ въ сновидѣніи *годъ смерти*) и заставилъ его произвести нѣкоторыя вычисленія, съ цѣлью опредѣлить ослабленіе его памяти.

2) Въ одномъ медицинскомъ журналѣ, на обложкѣ котораго стояло, между прочимъ, и мое имя, появилась статья довольно *юнаго* референта, заключавщая въ себѣ прямо таки „*уничтожающую*“ критику на книгу моего друга Ф. въ Берлинѣ. По этому поводу я обратился съ запросомъ къ редактору, который хотя и выразилъ свое сожалѣніе, но помѣстить опроверженіе отказался. Въ отвѣтъ на это я послалъ редактору письмо, въ которомъ заявилъ о своемъ от-

казѣ принимать участіе въ журналѣ и выражалъ надежду, что *случай этотъ не повліяетъ на наши личныя отношенія*. Здѣсь и лежитъ главная причина всего сновидѣнія. Отрицательный отзывъ критики о книгѣ моего друга глубоко опечалилъ меня. Книга эта содержитъ, на мой взглядъ, біологическое открытіе первостепенной важности, которое только теперь—спустя четыре года—начинаетъ находить сочувствіе у спеціалистовъ.

3) Незадолго до сновидѣнія одна паціентка разсказывала мнѣ исторію болѣзни своего брата, который съ возгласомъ *„природа, природа"!* впалъ въ неистовство. По мнѣнію врачей, эти возгласы относятся къ вышеупомянутой прекрасной статьѣ *Гёте* и указываютъ на то, что причиной болѣзни явились усиленныя занятія литературой. *Мнѣ же казалось болѣе вѣроятнымъ*, что возгласъ „природа" имѣлъ здѣсь отношеніе къ половой сферѣ больного, такъ что слово „природа" слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ его у насъ нерѣдко употребляютъ люди малообразованные. То обстоятельство, что несчастный изуродовалъ впослѣдствіи свои половые органы, служитъ, по моему мнѣнію, подтвержденіемъ моего взгляда. Въ то время, когда съ больнымъ случился первый припадокъ, ему было *18 лѣтъ*.

Въ сновидѣніи личность моего друга, на котораго такъ жестоко обрушилась критика, была замѣщена моей собственной. *„я стараюсь нѣсколько уяснить себѣ временныя отношенія"*. Книга моего друга посвящена какъ разъ вопросу о томъ, какими факторами обусловливается теченіе жизненныхъ процессовъ *во времени*, и, разсматривая въ числѣ прочихъ продолжительность жизни Гёте, видитъ въ ней многократное повтореніе извѣстнаго важнаго въ біологическомъ смыслѣ числа дней. Далѣе, моя личность въ сновидѣніи приравнивается къ паралитику. (*„Я не знаю навѣрное, который годъ у насъ теперь"*). Такимъ образомъ, въ сновидѣніи, состоящемъ изъ цѣлаго ряда нелѣпостей, мой другъ выведенъ въ видѣ паралитика. Скрытыя же мысли, лежащія въ основѣ сновидѣнія, имѣютъ слѣдующій ироническій смыслъ: „Разумѣется, онъ сумасшедшій, онъ дуракъ, а вы геніи и все это понимаете гораздо лучше. А можетъ быть, дѣло обстоитъ какъ разъ *„наоборотъ?"* Такое *обратное* изображеніе дѣйствительности выразилось въ нашемъ сновидѣніи тѣмъ, что *Гёте* напалъ на молодого человѣка—фактъ явно

невозможный; —между тѣмъ, гораздо правдоподобнѣе было бы, если бы молодой человѣкъ вооружился въ наши дни противъ великаго *Гёте*.

Я склоненъ думать, что въ основѣ всякаго сновидѣнія лежатъ по преимуществу соображенія чисто эгоистическаго характера. Моя личность, выведенная въ сновидѣніи, должна обозначать не только моего друга, но и меня самого. Я отождествляю во снѣ себя съ нимъ, такъ какъ судьба его книги предвѣщаетъ для меня судьбу моихъ *собственныхъ* открытій. Когда я выступлю съ своей теоріей, которая причину нервно-психическихъ заболѣваній видитъ, главнымъ образомъ, въ разстройствѣ половой сферы (см. намекъ на 18-лѣтняго больного съ его возгласомъ: „природа, природа!“), то встрѣчу, навѣрное, такую же критику и уже заранѣе готовъ отнестись къ ней съ тою же ироніей.

Анализируя далѣе скрытыя мысли, лежащія въ основѣ нашего сновидѣнія, мы повсюду находимъ въ нихъ *насмѣшку и иронію, соотвѣтствующія тѣмъ нелѣпостямъ, которыми былъ переполненъ нашъ сонъ.* Треснувшій бараній черепъ, найденный на Лидо въ Венеціи, внушилъ, какъ извѣстно, *Гёте* такъ назыв. позвоночную теорію происхожденія черепа. Мой другъ ставитъ себѣ въ заслугу то, что, будучи еще студентомъ, онъ поднялъ цѣлую бурю, требуя удаленія одного стараго профессора, нѣкогда очень заслуженнаго (между прочимъ и въ той области сравнительной анатоміи, которая касается даннаго вопроса), но затѣмъ вслѣдствіе *старческаго слабоумія*, сдѣлавшагося совершенно неспособнымъ къ преподавательской дѣятельности. Такимъ образомъ, поднятая имъ агитація послужила къ исправленію того недочета, что въ нѣмецкихъ университетахъ не установлено *предѣльнаго возраста* для академической службы.—*Преклонный возрастъ не гарантируетъ отъ глупости.*—Въ здѣшней больницѣ я имѣлъ честь служить подъ начальствомъ одного главнаго врача, это была настоящая *окаменѣлость*, цѣлые десятки лѣтъ окружающіе считали его *слабоумнымъ*, и тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ занимать свой отвѣтственный постъ. Невольно приходитъ на умъ аналогія между нимъ и той находкой, которую Гете сдѣлалъ на Лидо. — Въ свое время на этого господина молодые врачи больницы составили передѣлку извѣстной уличной пѣсенки: Не *Гёте* это написалъ, не *Шиллеръ* это сочинилъ и т. д.

VII.

Нашу оцѣнку дѣятельности сна все еще нельзя считать вполнѣ законченной. Кромѣ уже описанныхъ нами сгущенія, перемѣщенія и нагляднаго изображенія психическаго матеріала, намъ приходится упомянуть здѣсь еще объ одномъ родѣ дѣятельности, который, однако, не во всѣхъ сновидѣніяхъ выступаетъ съ одинаковою ясностью. Я не буду разбирать здѣсь подробно этого рода дѣятельность, скажу только, что сущность ея легче всего уяснить себѣ, сдѣлавши слѣдующее предположеніе, — вѣроятно, не вполнѣ правильное: *дѣятельность эта проявляется только тогда, когда содержаніе сновидѣнія уже образовалось.* Задачей ея является установить порядокъ между отдѣльными частями сновидѣнія, соединить ихъ въ одно общее цѣлое, въ одну связную картину. Благодаря этому, является какъ бы лицевая сторона сновидѣнія, скрывающая отъ насъ въ значительной степени его истинное содержаніе; въ то же время при помощи нѣкоторыхъ вставокъ и легкихъ измѣненій получается какъ бы предварительное объясненіе, истолкованіе сна. Разумѣется, этотъ родъ обработки сновидѣній возможенъ только въ томъ случаѣ, когда всѣ остальные уже есть налицо. Далѣе, подобная обработка въ значительной степени затемняетъ намъ истинное содержаніе скрытыхъ мыслей, и если мы хотимъ уяснить ихъ себѣ путемъ анализа, то должны прежде всего отрѣшиться отъ того толкованія, которое даетъ намъ самый сонъ.

Для насъ не представитъ особеннаго труда уяснить себѣ какъ причины, вызывающія подобнаго рода дѣятельность, такъ и способъ ея происхожденія. Переработка сновидѣній возникаетъ въ этихъ случаяхъ исключительно съ цѣлью *сдѣлать ихъ болѣе понятными.* При этомъ содержаніе сновидѣній подвергается совершенно тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и всякій психическій матеріалъ, воспринимаемый нами въ бодрственномъ состояніи. Какъ и при всякомъ воспріятіи, здѣсь имѣются извѣстныя направляющія представленія и существуетъ уже заранѣе составленное предположеніе, что всякій сонъ долженъ быть для насъ понятенъ; благодаря этому обстоятельству, получается нерѣдко искажаніе сновидѣній, и могутъ возникнуть самыя странныя недоразумѣнія,

въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда содержаніе сновидѣнія нельзя связать ни съ какими хорошо намъ знакомыми представленіями. Извѣстно, что мы почти не въ состояніи разсматривать ряды незнакомыхъ намъ буквъ или слушать разговоръ на незнакомомъ намъ языкѣ безъ того, чтобы не стараться *сдѣлать* ихъ себѣ отчасти *понятными*, подгоняя воспринимаемые нами слова и звуки подъ какіе-нибудь другіе, хорошо намъ знакомые словесные образы.

Тѣ сновидѣнія, которыя подверглись подобной переработкѣ, аналогичной процессамъ, совершающимся въ бодрственномъ состояніи, можно назвать *хорошо составленными*.

Въ другихъ же сновидѣніяхъ эта переработка совершенно отсутствуетъ; въ нихъ не замѣчается даже попытки привести отдѣльныя части въ стройный порядокъ и сдѣлать ихъ для насъ понятными. Когда мы въ подобныхъ случаяхъ вспоминаемъ послѣ пробужденія видѣнный нами сонъ, стараясь установить въ немъ извѣстную связность и послѣдовательность, то приходимъ въ концѣ концовъ къ выводу, что сонъ былъ „совершенно безсвязенъ". Однако, для нашего анализа такіе безсвязные сны, представляющіе изъ себя безпорядочную кучу несвязанныхъ отрывковъ, ничуть не менѣе цѣнны, чѣмъ всякіе другіе, гладко составленные и снабженные лицевой, показной стороной; анализируя такой безсвязный сонъ, намъ не приходится терять усилій на то, чтобы предварительно разрушить показную сторону сновидѣнія, не соотвѣтствующую его дѣйствительному содержанію.

Описанными четырьмя пріемами исчерпываются всѣ роды дѣятельности сна Если мы будемъ твердо держаться того опредѣленія, что „дѣятельность сна" есть превращеніе скрытыхъ мыслей въ содержаніе сновидѣнія, то придемъ къ слѣдующему выводу: дѣятельность сна не заключаетъ въ себѣ ничего творческаго, она не имѣетъ самостоятельной фантазіи, не обсуждаетъ, не умозаключаетъ, вообще, не можетъ произвести ничего иного, какъ только сгустить матеріалъ, лежащій въ основѣ сновидѣнія, перемѣстить его и придать ему извѣстную наглядность, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ произвести, сверхъ того, еще ту объяснительную переработку, о которой мы сейчасъ говорили. Правда, иногда въ сновидѣніи можно встрѣтить проявленія другихъ, высшихъ родовъ интеллектуальной дѣятельности; однако анализъ показываетъ намъ всякій разъ съ несомнѣнностью, что эти *интеллектуальные*

процессы произошли уже въ скрытыхъ мысляхъ и оттуда цѣликомъ перешли въ сновидѣніе. Умозаключеніе въ сновидѣніи является простымъ повтореніемъ процесса умозаключенія въ скрытыхъ мысляхъ; оно будетъ правильнымъ, если перешло въ сновидѣніе безъ всякихъ перемѣнъ и, наоборотъ, совершенно безсмысленнымъ въ томъ случаѣ, когда, благодаря дѣятельности сна, перемѣстилось съ одной части матеріала на другую. Процессъ вычисленія во снѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что это вычисленіе было произведено въ скрытыхъ мысляхъ; однако, въ скрытыхъ мысляхъ вычисленія эти были произведены совершенно правильно, между тѣмъ какъ въ сновидѣніи, благодаря процессамъ сгущенія и перемѣщенія, можетъ получиться самый нелѣпый результатъ. Даже тѣ рѣчи, которыя мы произносимъ во снѣ, не заключаютъ въ себѣ ничего новаго; онѣ бываютъ составлены изъ рѣчей, произнесенныхъ или слышанныхъ нами въ бодрственномъ состояніи и воспроизведенныхъ нами въ скрытыхъ мысляхъ; содержаніе этихъ рѣчей дословно передается въ сновидѣніи въ то время, какъ причина, ихъ вызвавшая, совершенно игнорируется, и самый смыслъ ихъ извращается до неузнаваемости.

Мнѣ кажется нелишнимъ подкрѣпить наши разсужденія нѣкоторыми примѣрами.

1) Вотъ очень гладкій, хорошо составленный сонъ одной паціентки:

Она отправляется на рынокъ со своей кухаркой, которая несетъ корзину. Когда она потребовала что-то въ мясной лавкѣ, то мясникъ отвѣтилъ: „этого нѣтъ больше“, и предложилъ ей что-то другое съ замѣчаніемъ: „это также хорошо“. Она отказывается и идетъ къ зеленщицѣ. Та хочетъ продать ей странные овощи черного цвѣта, связанные пучками. Она отвѣчаетъ: „этого я не знаю и не возьму“.

Фраза: „этого нѣтъ больше“ стоитъ въ связи со слѣдующимъ разговоромъ.—Нѣсколько дней тому назадъ я объяснялъ паціенткѣ, что у насъ *нѣтъ больше* въ чистомъ видѣ воспоминаній изъ ранняго дѣтства; воспоминанія эти могутъ возникнуть только во снѣ или въ значительно измѣненномъ видѣ.

И такъ, мясникъ въ сновидѣніи долженъ изображать меня самого.

Вторая фраза: „*этого я не знаю*“—возникла при совер-

шенно другихъ обстоятельствахъ.—За день передъ тѣмъ сама паціентка, разсердившись на свою кухарку (ту самую, которая упоминается въ сновидѣніи), закричала на нее: *„ведите себя прилично; это — я не знаю, что такое“*, т. е. такого поведенія я не могу признать и не допущу. Часть этой фразы, подвергшись предварительно процессу перемѣщенія, перешла въ сновидѣніе; въ скрытыхъ же мысляхъ играла болѣе важную роль остальная часть фразы, стоящая, кромѣ того, въ тѣсной связи съ одной воображаемой сценой, въ которой я по отношенію къ моей паціенткѣ *велъ себя до извѣстной степени неприлично.* Эта воображаемая сцена являлась однако же лишь повтореніемъ событія, уже пережитого однажды въ дѣйствительности.

II. Въ другомъ, на первый взглядъ совершенно малозначущемъ сновидѣніи той же паціентки главную роль играютъ числа. *Она хочетъ заплатить за что-то; ея дочь беретъ у ней изъ денежной сумки 3 фл. 65 кр. Она возражаетъ: „что ты дѣлаешь? вѣдь это стоитъ всего 21 кр.“.*

Дама, видѣвшая этотъ сонъ, была иностранка; у ней воспитывалась дочь въ одномъ изъ вѣнскихъ институтовъ и она могла продолжать леченіе у меня только до тѣхъ поръ, пока дочь ея оставалась въ Вѣнѣ. Наканунѣ сновидѣнія начальница института предложила ей оставить дочь въ заведеніи еще на одинъ годъ. Въ такомъ случаѣ паціентка могла бы лечиться у меня еще въ теченіи одного года. Значеніе чиселъ въ сновидѣніи станетъ понятнымъ, если мы вспомнимъ пословицу: время—деньги.

Годъ содержитъ *365 дней*, чему соотвѣтствуетъ 365 кр. или *3 фл. 65 кр.—21 кр.* соотвѣтствуетъ *тремъ недѣлямъ*, т. е. сроку, который оставался до конца учебнаго года, а слѣдовательно также и до конца леченія. Повидимому, именно денежныя соображенія заставили даму отклонить предложеніе начальницы института; они же явились причиной того, что въ сновидѣніи рѣчь идетъ о такихъ незначительныхъ суммахъ.

III. Молодая дама, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышедшая замужъ, узнаетъ про обрученіе своей знакомой почти ровесницы, Элизы Л. Это подало поводъ къ возникновенію слѣдующаго сна. *Она сидитъ съ мужемъ въ театрѣ; партеръ съ одной стороны почти пустъ. Мужъ разсказываетъ ей, что Элиза Л. съ женихомъ также хотѣли быть въ те-*

атръ, но потомъ отказались отъ этого, такъ какъ имъ предложили плохія мѣста, — три билета за 1 фл. 50 кр. У ней является мысль, что и это было бы не такъ ужъ плохо.

Теперь попробуемъ прослѣдить, какимъ образомъ числа, заключающіяся въ сновидѣніи, могли возникнуть изъ скрытыхъ мыслей, лежащихъ въ его основѣ? Оказывается, что мысль объ 1 фл. 50 кр. возникла, благодаря незначительному происшествію, случившемуся наканунѣ. Невѣстка этой дамы получила отъ мужа въ подарокъ *150 фл.* и *поторопилась* освободиться отъ нихъ, накупивши себѣ нарядовъ. Замѣтимъ себѣ, что *150 фл.* во 100 разъ больше чѣмъ 1 фл. 50 кр.

Число театральныхъ билетовъ (три) обязано своимъ происхожденіемъ тому, что невѣста Элиза Л. какъ разъ на *три* мѣсяца моложе дамы, видѣвшей сонъ. Сцена, видѣнная во снѣ, является повтореніемъ слѣдующаго небольшого происшествія, которымъ ея мужъ часто ее поддразнивалъ. Однажды она такъ *торопилась* заблаговременно взять билеты, что когда пришла въ театръ, то *партеръ съ одной стороны былъ еще почти пустъ*. Значитъ, ей вовсе не надо было такъ *торопиться*. Обратимъ вниманіе также на явную нелѣпость сна: для двухъ человѣкъ понадобились три билета!

Скрытыя же мысли были таковы: глупо было съ моей стороны такъ рано выходить замужъ; мнѣ вовсе *не было необходимости такъ торопиться*. Примѣръ Элизы Л. доказываетъ, что я всегда бы могла найти себѣ мужа, и притомъ *въ сто разъ* лучшаго, стоило только немного подождать. За мои деньги (приданое) я могла бы купить себѣ *трехъ* такихъ мужей.

VIII

Послѣ всего того, что сказано о дѣятельности сна, у насъ можетъ, пожалуй, явиться мысль, что дѣятельность эта представляется совершенно своеобразнымъ психическимъ процессомъ, не имѣющимъ ничего себѣ подобнаго. Такимъ образомъ, самыя сновидѣнія уже болѣе не кажутся намъ загадочными, и наше удивленіе, такъ сказать, всецѣло переносится на тотъ процессъ, благодаря которому сновидѣнія возникаютъ. Однако въ дѣйствительности дѣятельность сна представляетъ собою лишь одинъ изъ цѣлаго ряда психиче-

скихъ процессовъ, родственныхъ другъ другу и обусловливающихъ также происхожденіе истерическихъ симптомовъ, навязчивыхъ и бредовыхъ идей и патологическихъ страховъ. Сгущеніе и въ особенности перемѣщеніе составляютъ характерныя черты всѣхъ этихъ процессовъ; переработка же матеріала съ цѣлью сдѣлать его болѣе нагляднымъ свойственна исключительно дѣятельности сна. Такъ какъ подобный взглядъ сближаетъ сновидѣнія съ цѣлымъ рядомъ патологическихъ явленій душевной жизни, то для насъ представляется особенно важнымъ выяснить главныя условія, при которыхъ возникаютъ, какъ эти патологическія состоянія, такъ и самыя сновидѣнія. Читатель будетъ, вѣроятно, удивленъ, узнавши, что состояніе сна или болѣзненное разстройство организма вовсе не являются необходимыми условіями для возникновенія подобныхъ процессовъ. Значительное число ошибокъ, наблюдаемыхъ сплошь и рядомъ у вполнѣ здоровыхъ людей, какъ-то: ошибки памяти, оговорки, невѣрныя движенія и многое другое,—обязаны своимъ происхожденіемъ тому-же самому механизму, который лежитъ въ основѣ, какъ сновидѣній, такъ и вышеупомянутыхъ болѣзненныхъ симптомовъ.

Наиболѣе странной и необычайной стороной въ дѣятельности сна является процессъ перемѣщенія, который и играетъ главную роль въ занимающемъ насъ вопросѣ.

Разбираясь подробнѣе въ этомъ вопросѣ, мы убѣждаемся, что процессъ перемѣщенія вызывается причинами чисто психологическими, а именно дѣйствіемъ извѣстныхъ *мотивовъ*. Вліяніе этихъ мотивовъ можно прослѣдить въ томъ случаѣ, если мы разсмотримъ внимательно данныя, полученныя при анализѣ сновидѣній. Анализируя сновидѣніе на стр. 5, я долженъ былъ прервать свой анализъ, такъ какъ при этомъ обнаруживались такія скрытыя мысли, которыя я хотѣлъ бы скрыть отъ чужихъ глазъ, въ виду нѣкоторыхъ соображеній чисто личнаго характера. Далѣе мы видѣли, что подобныя препятствія встрѣчаются при анализѣ рѣшительно каждаго сновидѣнія; всякій сонъ, сколько-нибудь темный и запутанный, неизбѣжно приводитъ насъ въ концѣ-концовъ къ такимъ скрытымъ мыслямъ, обнаруженіе которыхъ представляется нежелательнымъ. Если я тѣмъ не менѣе поведу анализъ дальше, исключительно для самого себя, не имѣя въ виду сообщать кому-либо его результаты, то неожиданно приду къ такимъ мыслямъ, существованія которыхъ я и

самъ въ себѣ не подозрѣвалъ; мысли эти кажутся мнѣ не только *чуждыми*, но и *непріятными*, и мнѣ хочется энергически оспаривать ихъ, несмотря на то, что анализъ обнаруживаетъ ихъ существованіе съ несомнѣнной очевидностью. Для объясненія этого явленія, свойственнаго рѣшительно всѣмъ сновидѣніямъ, приходится признать, что подобныя мысли дѣйствительно составляли часть моихъ душевныхъ переживаній и обладали извѣстной долей психической интенсивности или энергіи, но, благодаря своеобразнымъ психологическимъ условіямъ, *не могли быть мною сознаваемы*. Для обозначенія этого своеобразнаго состоянія я буду употреблять терминъ *подавленіе*. Мнѣ представляется несомнѣннымъ существованіе причинной зависимости между неясностью сновидѣній и подобными состояніями подавленія нѣкоторыхъ процессовъ, ведущими къ тому, что нѣкоторыя скрытыя мысли *не могутъ проникнуть въ сознаніе* спящаго; содержаніе сна затемняется съ тою цѣлью, *чтобы не видѣть скрытыхъ мыслей, обнаруженіе которыхъ непріятно для даннаго лица*. Такимъ образомъ получается съ одной стороны *искаженіе сновидѣнія*, являющееся результатомъ дѣятельности сна, съ другой — *передѣлка* его, имѣющая цѣлью скрыть его настоящее содержаніе.

Вернемся теперь къ сновидѣнію, подробно проанализированному нами выше, и посмотримъ, какая изъ скрытыхъ мыслей, лежащихъ въ его основѣ, могла бы возбудить съ моей стороны горячій протестъ, если-бы не была подвергнута значительному искаженію. Я вспоминаю, во-первыхъ, что безплатная ѣзда въ экипажѣ навела меня на мысль о дорого стоившихъ поѣздкахъ, съ однимъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ моему семейству; во вторыхъ, — что не задолго передъ сновидѣніемъ мнѣ пришлось истратить для этого же самаго лица значительную сумму; въ третьихъ — что послѣдовательный анализъ привелъ меня къ такого рода мысли: мнѣ хотѣлось-бы когда-либо испытать совершенно безкорыстную любовь. Все это заставляетъ предположить, *что мнѣ было жаль истраченныхъ денегъ*. Только сдѣлавши такое предположеніе, можно объяснить себѣ, почему это во снѣ мнѣ захотѣлось испытать безкорыстную любовь. А между тѣмъ, могу сказать по чести, что, рѣшаясь израсходовать эту сумму, я не колебался ни одного мгновенія. Чувство сожалѣнія объ истраченныхъ деньгахъ совершенно отсутство-

вало въ моемъ сознанiи. Отчего — это уже совсѣмъ другой вопросъ, попытка отвѣтить на который завела-бы насъ слишкомъ далеко въ сторону.

Если вмѣсто своего собственнаго сновидѣнiя я подвергну анализу чей-нибудь чужой сонъ, то получу тѣ-же самые результаты; только доводы, подтверждающiе правильность нашего истолкованiя, будутъ въ разныхъ случаяхъ различны. Если сновидѣнiе принадлежитъ здоровому человѣку, то убѣдить этого человѣка въ существованiи извѣстной скрытой мысли, не сознаваемой имъ самимъ и тѣмъ не менѣе лежащей въ основѣ всего сновидѣнiя, мы можемъ только путемъ послѣдовательнаго анализа, хотя, конечно, данное лицо всегда можетъ возражать противъ такого рода объясненiй. Но когда рѣчь идетъ о нервно-больномъ, напримѣръ, объ истеричномъ, то существованiе скрытой мысли, не допускаемой сознанiемъ самого больного, является гораздо болѣе очевиднымъ. Доказательствомъ служатъ въ этомъ случаѣ, во первыхъ, тѣсная связь между скрытой мыслью и болѣзненными симптомами пацiента, во вторыхъ—улучшенiе, наступающее въ томъ случаѣ, если мы постараемся скрытую мысль поставить на мѣсто болѣзненныхъ симптомовъ. Такъ, напримѣръ, анализируя сновидѣнiе нашей пацiентки, видѣвшей во снѣ, будто-бы она купила въ театрѣ три билета за 1 фл. 50 кр., мы пришли къ выводу, что она пренебрежительно относится къ своему мужу, сожалѣетъ о своемъ замужествѣ и охотно промѣняла-бы своего мужа на другого. Сама пацiентка утверждаетъ, правда, что она любитъ мужа, что въ своихъ чувствахъ она не можетъ найти и тѣни пренебреженiя къ нему („въ 100 разъ лучшаго“!). Однако, всѣ симптомы ея болѣзни вполнѣ согласуются съ результатами нашего анализа; послѣ того, какъ я навелъ пацiентку на нѣкоторыя воспоминанiя изъ того времени, когда въ ея сознанiи еще не было любви къ мужу, происхожденiе этихъ симптомовъ разъяснилось, и возраженiя ея противъ моего истолкованiя ея сна отпали сами собой.

IX.

Установивши понятiе „подавленiя“ и показавши, что искаженiе сновъ обусловливается стремленiемъ не допустить въ сознанiе извѣстныхъ мыслей, мы формулируемъ теперь

въ общихъ чертахъ тѣ данныя, которыя доставляетъ намъ анализъ сновидѣній. Мы уже видѣли выше, что понятныя и осмысленныя сновидѣнія являются обыкновенно простыми, не замаскированными выполненіями желаній: во снѣ намъ кажутся исполнившимися различныя вполнѣ сознательныя желанія, возникшія въ теченіе дня и имѣющія для насъ болѣе или менѣе важное значеніе. Совершенно аналогичныя данныя доставляетъ намъ анализъ также и по отношенію къ тѣмъ сновидѣніямъ, которыя представляются намъ неясными и запутанными: и здѣсь также мы имѣемъ дѣло съ выполненіемъ желаній, заключающихся въ скрытыхъ мысляхъ; но общій смыслъ сновидѣнія бываетъ здѣсь настолько не ясенъ, что разъяснить его можно только путемъ анализа, и самое желаніе представляется или подавленнымъ, чуждымъ сознанію спящаго, или же находится въ самой тѣсной связи съ какой-нибудь подавленной мыслью, которую спящій безсознательно старается отогнать отъ себя. Такимъ образомъ, эти сновидѣнія можно разсматривать, какъ *замаскированныя выполненія подавленныхъ желаній*. Интересно замѣтить, что народное повѣрье, приписывающее снамъ способность предвѣщать будущее, оказывается до извѣстной степени справедливымъ. Въ дѣйствительности сны предвѣщаютъ намъ не то будущее, которое на самомъ дѣлѣ наступитъ, а то, которое для насъ самихъ представляется наиболѣе желательнымъ. Здѣсь, какъ и всегда, народъ вѣритъ въ то, чего онъ сильно желаетъ.

По отношенію къ выполненію желаній сны можно раздѣлить на три категоріи. Во-первыхъ, сны, представляющіе *въ незамаскированномъ* видѣ такія желанія, которыхъ спящій *не старался подавить* въ себѣ; это дѣтскій типъ сновидѣній, рѣдко встрѣчающійся у взрослыхъ. Во-вторыхъ, *замаскированныя* изображенія *подавленныхъ* желаній; сюда относится огромное большинство нашихъ сновидѣній, которыя можно объяснить себѣ только при помощи анализа. Въ третьихъ, наконецъ, такіе сны, въ которыхъ то или иное *подавленное* желаніе выступаетъ совершенно *открыто* или же только въ слегка замаскированномъ видѣ. Сновидѣнія третьей категоріи неизмѣнно сопровождаются страхомъ, заставляющимъ человѣка проснуться. Чувство страха играетъ здѣсь ту же роль, которая въ другихъ случаяхъ выпадаетъ на долю искаженія сна; во второй категоріи, гдѣ, благодаря дѣятельности сна,

искаженіе достигаетъ значительной степени, чувство страха отсутствуетъ. Не трудно бываетъ доказать, что тѣ самыя мысли и образы, которые во снѣ наводятъ на насъ страхъ, составляли нѣкогда предметъ нашихъ желаній, но были затѣмъ нами подавлены,

Существуютъ также сновидѣнія. совершенно ясныя и очень тяжелыя по своему содержанію, но тѣмъ не менѣе не возбуждающія въ спящемъ никакихъ непріятныхъ чувствованій. Ихъ, слѣдовательно, нельзя причислить къ сновидѣніямъ, вызывающимъ чувство страха. Въ то же время они на первый взглядъ являются доказательствомъ того, какъ мало цѣны и значенія имѣютъ для насъ сны вообще. Анализъ одного изъ подобныхъ сновидѣній покажетъ намъ, что здѣсь рѣчь идетъ о *хорошо замаскированномъ* выполненіи подавленныхъ желаній и что, слѣдовательно, эти случаи надо причислить ко второй категоріи; въ то же время изъ этого примѣра мы ясно увидимъ всю важность процесса перемѣщенія для замаскированія нашихъ желаній.

Одной молодой дѣвушкѣ снится, что она видитъ передъ собой мертвымъ единственнаго ребенка своей сестры, при чемъ вся обстановка совершенно соотвѣтствуетъ той, при которой происходили похороны другого ребенка сестры, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Она не чувствовала во снѣ никакого огорченія, но, разумѣется, не допускаетъ и мысли, чтобы это сновидѣніе соотвѣтствовало ея желаніямъ; однако, это для насъ и не требуется. Дѣло въ томъ, что на похоронахъ ребенка, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она видѣла въ послѣдній разъ одного любимаго ею человѣка и говорила съ нимъ; если бы умеръ и второй ребенокъ, то она, навѣрное, встрѣтила бы снова этого человѣка въ домѣ своей сестры. Она желаетъ этой встрѣчи и въ то же время стремится подавить въ себѣ это желаніе. Еще наканунѣ сновидѣнія она взяла билетъ на лекцію, которую долженъ былъ читать любимый ею человѣкъ. Этотъ сонъ является простымъ удовлетвореніемъ нетерпѣливаго желанія, подобно тому, какъ это часто бываетъ наканунѣ путешествія, посѣщенія театра и другихъ ожидаемыхъ удовольствій. Для того же, чтобы замаскировать нетерпѣливое ожиданіе, его выполненіе помѣщается въ такую обстановку, которая хотя и взята изъ опыта, но совершенно не соотвѣтствуетъ какимъ бы то ни было радостнымъ чувствамъ.

Что же касается настроенія, вызваннаго сновидѣніемъ, то оно соотвѣтствуетъ не столько его явному содержанію, сколько тому подавленному желанію, которое лежитъ въ основѣ всего сна. Весь сонъ основанъ на томъ, что спящая предвкушаетъ давно желанное ею свиданіе и, слѣдовательно, печальное настроеніе здѣсь совершенно неумѣстно.

X.

Философамъ не представлялось до сихъ поръ случая заниматься сколько-нибудь подробно психологіей подавленія различныхъ душевныхъ состояній. Такъ какъ наше изслѣдованіе приблизило насъ къ этой новой, почти еще не затронутой области, то мы и позволимъ себѣ дать здѣсь наглядное представленіе о механизмѣ происхожденія сновъ. Та схема, которую мы составили себѣ на основаніи изученія не только сновъ, но и другихъ сходныхъ съ ними состояній, представляется, правда, довольно сложной; однако, всякое болѣе простое объясненіе является въ данномъ случаѣ недостаточнымъ. Мы принимаемъ, что въ душевной жизни человѣка существуютъ двѣ инстанціи, завѣдующія образованіемъ мыслей; первая изъ нихъ имѣетъ то преимущество, что продукты ея дѣятельности непосредственно проникаютъ въ наше сознаніе, тогда какъ дѣятельность второй инстанціи протекаетъ всецѣло въ безсознательной сферѣ и становится намъ извѣстной только при посредствѣ первой инстанціи. На границѣ между обѣими инстанціями, при переходѣ отъ первой ко второй, находится своего рода цензура, пропускающая только то, что ей нравится и задерживающая все остальное. И вотъ, все то, чего цензура не допустила, находится, согласно нашей терминологіи, въ состояніи подавленія. Подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, однимъ изъ которыхъ является состояніе сна, отношеніе между обѣими инстанціями измѣняется такимъ образомъ, что процессъ подавленія происходитъ съ гораздо меньшей силой. Цензура во снѣ дѣлается слабѣе; благодаря этому многое, что было раньше подавлено, находитъ себѣ дорогу въ сознаніе. Но такъ какъ цензура только ослабѣваетъ, а никогда вполнѣ не уничтожается, то различныя подавленныя состоянія могутъ проникнуть въ сознаніе только въ измѣненномъ и смягченномъ видѣ. Содер-

жаніе сознанія получается въ этихъ случаяхъ путемъ компромисса между стремленіями одной инстанціи и требованіями другой. Надо сказать, что та же самая послѣдовательность явленій, а именно: *процессъ подавленія, ослабленіе цензуры и образованіе компромисса*—наблюдается и при возникновеніи всякаго рода психопатическихъ образованій; здѣсь можно встрѣтить тѣ же процессы сгущенія и перемѣщенія и такое же пользованіе различными поверхностными ассоціаціями, съ какимъ мы познакомились выше, при изученіи дѣятельности сна.

Мы не имѣемъ основаній скрывать, что наше объясненіе дѣятельности сна содержитъ въ себѣ извѣстный элементъ демонизма. Разсматривая возникновеніе запутанныхъ сновидѣній, мы получили такое впечатлѣніе, какъ будто-бы какое-нибудь лицо, находящееся въ зависимости отъ другого, хотѣло обнаружить такія вещи, которыя непріятны этому второму; исходя изъ этого сравненія, мы установили понятіе *искаженія сновидѣній* и понятіе *цензуры*, а также постарались выразить наши впечатлѣнія въ формѣ психологической теоріи, правда, довольно грубой, но зато, по крайней мѣрѣ, наглядной. Къ чему бы ни свелось при дальнѣйшемъ изслѣдованіи то, что мы называемъ первой и второй инстанціей, все же мы надѣемся, что основная мысль наша окажется правильной: первая инстанція владѣетъ доступомъ въ сознаніе и можетъ сдѣлать для второй этотъ доступъ затруднительнымъ.

Съ наступленіемъ пробужденія цензура снова достигаетъ своей прежней силы и можетъ снова подавить все то, что ускользнуло изъ подъ ея вліянія въ періодъ ея слабости. Безчисленное количество наблюденій удостовѣряетъ насъ въ томъ, что *забываніе* сновидѣній *въ значительной своей части* обязано именно этому обстоятельству. Разсказывая о какомъ-нибудь сновидѣніи или анализируя его, мы замѣчаемъ нерѣдко, какъ въ нашемъ сознаніи внезапно всплываетъ отрывокъ этого сновидѣнія, считавшійся нами совершенно забытымъ. Этотъ возобновившійся въ памяти отрывокъ даетъ намъ обыкновенно самый близкій и вѣрный путь къ объясненію сновидѣнія. Именно поэтому онъ, вѣроятно, и долженъ былъ быть подавленнымъ, т. е. подвергнуться забвенію.

XI.

Если мы будемъ разсматривать сновидѣнія, какъ выполненіе того или иного скрытаго желанія, а ихъ неясность и запутанность припишемъ тѣмъ измѣненіямъ, которыя произвела въ нихъ цензура, то намъ нетрудно будетъ уяснить себѣ конечную функцію сновидѣній. Въ противоположность распространенному мнѣнію, будто сновидѣніе нарушаетъ сонъ, мы будемъ считать его, наоборотъ, охранителемъ сна. Особенно легко подтвердить это положеніе по отношенію къ дѣтскимъ сновидѣніямъ.

Сонъ или психическія измѣненія, обусловливающія состояніе сна, наступаютъ у ребенка послѣ того, какъ онъ, благодаря принужденію извнѣ или же вслѣдствіе значительной усталости, рѣшитъ, наконецъ, заснуть; однимъ изъ самыхъ необходимыхъ условій при этомъ является устраненіе всякихъ постороннихъ раздраженій, которыя могли бы направить душевную дѣятельность въ другую сторону и такимъ образомъ помѣшать сну. Средства, служащія къ тому, чтобы удалять внѣшнія раздраженія, всѣмъ извѣстны; но какимъ путемъ можно устранить внутреннія, душевныя раздраженія, мѣшающія наступленію сна? Посмотрите на мать, усыпляющую своего ребенка. Ребенку хочется того, другого, онъ проситъ, чтобъ его поцѣловали, хочетъ еще поиграть. Одни изъ этихъ желаній удовлетворяются матерью, другія авторитетнымъ тономъ откладываются до слѣдующаго дня. Изъ этого видно, что желанія и потребности, возникающія въ ребенкѣ, мѣшаютъ ему заснуть. Кто не знаетъ веселаго разсказа (Балдвина *Гроллера*) о гадкомъ мальчикѣ, который, проснувшись ночью, реветъ на всю спальню: „я хочу носорога“. Болѣе благоразумный ребенокъ вмѣсто того, чтобы ревѣть, *видѣлъ бы во снѣ*, какъ онъ играетъ съ носорогомъ. Такъ какъ во время сна всякое сновидѣніе, въ которомъ то или иное желаніе выполняется, пользуется полнымъ нашимъ *довѣріемъ*, то самое желаніе такимъ образомъ затихаетъ, и сонъ можетъ продолжаться далѣе. Нельзя отрицать, что это довѣріе къ сновидѣніямъ основывается на томъ, что сновидѣніе нѣкоторыми своими чертами напоминаетъ воспріятіе,

а ребенокъ еще не успѣлъ развить въ себѣ способности отличать галлюцинаціи или образы фантазіи отъ дѣйствительности.

Взрослый усвоилъ себѣ эту разницу, онъ понялъ, что однихъ желаній еще недостаточно, и путемъ продолжительнаго упражненія достигъ способности сдерживать свои стремленія, пока они не осуществятся длиннымъ окольнымъ путемъ, послѣ цѣлаго ряда измѣненій во внѣшнемъ мірѣ. Сообразно съ этимъ и выполненіе желаній во снѣ кратчайшимъ, чисто психическимъ путемъ встрѣчается у него очень рѣдко; возможно даже, что простого, непосредственнаго удовлетворенія желаній во снѣ у взрослыхъ вовсе не бываетъ, и что тѣ сновидѣнія взрослыхъ, которыя на первый взглядъ напоминаютъ дѣтскіе сны, требуютъ на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе сложнаго объясненія. Зато у взрослыхъ — и притомъ у всѣхъ психически нормальныхъ людей безъ исключенія — выработалось извѣстное подраздѣленіе психическаго матеріала, отсутствующее у ребенка. Подъ вліяніемъ жизненнаго опыта, въ душевной жизни взрослаго человѣка образуется какъ бы особая инстанція, которая играетъ господствующую роль во всѣхъ его психическихъ процессахъ и вліяетъ задерживающимъ образомъ на различныя его побужденія; благодаря своей близости къ сознанію и къ произвольнымъ движеніямъ, инстанція эта располагаетъ чрезвычайно сильными средствами для поддержанія своего господства въ сферѣ психическихъ явленій. Часть дѣтскихъ побужденій, какъ безполезная для жизни, подвергается задержкѣ со стороны этой инстанціи, при чемъ всѣ мысли, находящіяся въ связи съ задержанными побужденіями, представляются также подавленными.

Когда нами овладѣваетъ желаніе заснуть, то инстанція, соотвѣтствующая нашему нормальному я, бываетъ вынуждена, благодаря психо-физіологическимъ условіямъ сна, ослабить нѣсколько ту энергію, съ которой она въ теченіе дня подавляла противорѣчащія ей мысли и желанія. Хотя это ослабленіе довольно незначительно, но различныя подавленныя побужденія дѣтской души все же получаютъ возможность проявиться. Правда, тѣ же самыя условія сна, о которыхъ только что говорилось, вліяютъ также и на подавленныя желанія, затрудняя имъ доступъ въ сознаніе и совершенно прерывая связь ихъ съ двигательной сферой. Тѣмъ

не менѣе, нѣкоторыя изъ подавленныхъ желаній вторгаются въ сознаніе, и возникаетъ опасность прекращенія сна, которую нужно предотвратить. Въ то же время нѣкоторые другіе факты заставляютъ насъ предположить, что даже въ самомъ глубокомъ снѣ сохраняется извѣстное напряженіе вниманія, направленнаго на внѣшнія чувственныя раздраженія; этотъ остатокъ вниманія играетъ роль сторожа, слѣдящаго за тѣми раздраженіями, при которыхъ пробужденіе является болѣе выгоднымъ, нежели продолженіе сна. Иначе трудно было бы объяснить себѣ тотъ фактъ, отмѣченный еще старымъ физіологомъ *Бурдахомъ*, что пробужденіе спящаго человѣка въ значительной степени зависитъ отъ *качества* внѣшнихъ раздраженій, имѣющихъ мѣсто въ данномъ случаѣ; такъ, напр., мать пробуждается даже при слабомъ плачѣ своего ребенка, мельникъ—при остановкѣ своей мельницы, большинство людей—въ томъ случаѣ, когда шопотомъ назовутъ ихъ по имени. Это вниманіе, стоящее какъ бы на сторожѣ, направляется также и на внутреннія раздраженія, исходящія изъ области тѣхъ желаній, которыя въ бодрственномъ состояніи бываютъ подавлены; такимъ именно путемъ и возникаютъ сновидѣнія, удовлетворяющія въ качествѣ компромисса какъ ту, такъ и другую инстанцію. Тѣ желанія, которыя были раньше подавлены или которыя находятся въ тѣсной связи съ различными задержанными душевными процессами, получаютъ въ сновидѣніи извѣстное удовлетвореніе, такъ какъ они представляются во снѣ исполнившимися; съ другой стороны, сновидѣніе удовлетворяетъ также и вторую инстанцію, давая возможность безпрепятственно продолжать сонъ. Наше «я» ведетъ себя при этомъ, какъ ребенокъ; оно съ полнымъ довѣріемъ относится къ содержанію сновидѣній, какъ бы желая сказать: да, да, все это правда, только дай мнѣ спать. Когда мы, проснувшись, съ пренебреженіемъ вспоминаемъ о видѣнномъ нами сновидѣніи, то при этомъ обыкновенно ссылаемся на запутанность и кажущуюся нелогичность сновидѣнія; въ дѣйствительности же, повидимому, это пренебрежительное отношеніе является лишь отголоскомъ мнѣнія, составленнаго нашимъ «я» еще во время сна относительно различныхъ подавленныхъ желаній, при чемъ пренебреженіе является въ данномъ случаѣ довольно справедливымъ, ввиду полной неспособности этихъ нарушителей сна повліять на двигательную сферу. Подобное презрительное отношеніе ска-

зывается иногда даже во время самого сна; когда содержаніе сновидѣнія слишкомъ противорѣчитъ требованіямъ цензуры, мы говоримъ себѣ: да вѣдь это не болѣе, какъ сонъ, —и продолжаемъ спать.

Такому истолкованію вопроса нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что существуютъ переходные случаи (напр., сновидѣнія, вызывающія чувство страха), въ которыхъ сновидѣніе не можетъ болѣе выполнять своей функціи, т. е. охранять продолжительность сна, и мѣняетъ ее на противоположную, состоящую въ томъ, чтобы своевременно разбудить спящаго. Въ этомъ отношеніи сновидѣніе можно сравнить съ добросовѣстнымъ ночнымъ сторожемъ, который прежде всего заботится о томъ, чтобы устранить всякое нарушеніе тишины, могущее обезпокоить спящихъ гражданъ; когда же причина нарушенія порядка слишкомъ серьезна, и онъ одинъ не можетъ съ нею справиться, тогда сторожъ считаетъ своимъ долгомъ самому разбудить спящихъ. Въ особенности отчетливо выступаетъ функція сновидѣній въ томъ случаѣ, когда какое-нибудь внѣшнее раздраженіе дѣйствуетъ на органы чувствъ спящаго. Тотъ фактъ, что испытываемыя спящимъ чувственныя раздраженія вліяютъ на содержаніе сновъ, представляется общеизвѣстнымъ, можетъ быть доказанъ экспериментальнымъ путемъ и принадлежитъ къ числу немногихъ вполнѣ достовѣрныхъ, хотя и сильно переоцѣненныхъ фактовъ, добытыхъ медицинскими изслѣдованіями сновидѣній. Однако, съ этимъ фактомъ связана загадка, до сихъ поръ не поддававшаяся никакому рѣшенію. Чувственныя раздраженія, наносимыя экспериментаторомъ спящему, повидимому, никогда не воспринимаются вполнѣ точно, а всегда подвергаются тому или иному толкованію, причемъ характеръ толкованія кажется на первый взглядъ вполнѣ предоставленнымъ психическому произволу спящаго. Между тѣмъ, психическаго произвола, разумѣется, не существуетъ. На внѣшнія чувственныя раздраженія спящій можетъ реагировать различнымъ образомъ. Или онъ просыпается, или же ему удается все-таки продолжать сонъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ воспользоваться сновидѣніемъ для того, чтобы устранить внѣшнее раздраженіе, причемъ здѣсь опять таки различаются два способа. Первый изъ нихъ состоитъ въ томъ, что спящій видитъ во снѣ сцену, по своему содержанію совершенно несовмѣстимую съ

испытываемымъ имъ раздраженіемъ. Такъ, напр., одинъ больной, которому мѣшалъ спать болѣзненный абсцессъ въ области промежности, видѣлъ во снѣ, что онъ ѣдетъ верхомъ на лошади и вмѣсто сѣдла пользуется припаркой, которую ему клали для успокоенія боли; благодаря этому сновидѣнію онъ могъ спать, несмотря на боль. Второй способъ, болѣе частый заключается въ томъ, что внѣшнее раздраженіе перетолковывается, извѣстнымъ образомъ приводится въ связь съ какимъ-нибудь подавленнымъ желаніемъ, ждущимъ своего выполненія, лишается своей реальности и разсматривается какъ часть психическаго матеріала. Такъ, одинъ господинъ видитъ во снѣ, что онъ написалъ комедію, воплотивши въ нее извѣстную идею, что комедія эта идетъ на сценѣ и сопровождается блестящимъ успѣхомъ; публика страшно аплодируетъ.... Повидимому, этому господину удалось продолжать свой сонъ, несмотря на шумъ, такъ какъ, когда онъ проснулся, то шумъ уже прекратился, и онъ не безъ основанія заключилъ, что это, вѣроятно, выколачивали ковры или тюфяки. Сновидѣнія, которыя возникаютъ у людей, ожидающихъ, что ихъ въ извѣстный часъ будятъ посредствомъ какого-нибудь сильнаго шума, являются обыкновенно ничѣмъ инымъ, какъ попыткой замаскировать ожидаемый шумъ, дать ему какое-нибудь иное объясненіе и благодаря этому продолжить свой сонъ еще на нѣсколько минутъ.

XII.

Я не претендую на то, чтобы освѣтить здѣсь всѣ вопросы, относящіеся къ сновидѣніямъ, или хотя бы даже съ полною доказательностью разобрать тѣ изъ нихъ, которые я себѣ поставилъ. Кто интересуется литературой о сновидѣніяхъ во всемъ ея объемѣ, тотъ пусть обратится къ недавно вышедшей книгѣ *Санте-де-Санктиса*: *J sogni*, Torino, 1899, желающіе же подробнѣе ознакомиться съ изложенными здѣсь моими взглядами на сновидѣніе, могутъ обратиться къ моей книгѣ: *Die Traumdeutung*, Leipzig und Wien, 1900. Я хочу здѣсь указать лишь на то въ какомъ направленіи можно продолжать мои изслѣдованія, относительно дѣятельности сна.

Главная задача при истолкованіи сновидѣній должна

заключаться, по моему мнѣнію, въ томъ, чтобы замѣнить содержаніе сновидѣнія скрытыми мыслями, лежащими въ его основѣ, и, слѣдовательно, разрѣшить ту путаницу, которую создала дѣятельность сна. Становясь на такую точку зрѣнія, я прежде всего намѣчаю рядъ новыхъ психологическихъ проблемъ, касающихся какъ механизма дѣятельности сна, такъ и процесса такъ назыв. подавленія, его природы и условій его дѣятельности. Кромѣ того, я утверждаю, что существуютъ скрытыя мысли, представляющія изъ себя цѣлый рядъ богатыхъ по содержанію психическихъ образованій, вполнѣ послѣдовательныхъ, обладающихъ всѣми признаками нормальной интеллектуальной дѣятельности и, тѣмъ не менѣе, ускользающихъ отъ нашего сознанія до тѣхъ поръ, пока при помощи сновидѣній они не проникнутъ въ сознаніе, хотя бы въ искаженномъ видѣ. Существованіе такихъ скрытыхъ мыслей приходится признать у каждаго, такъ какъ почти всѣ люди, даже самые нормальные, видятъ сны. Что же касается остальныхъ, весьма важныхъ для психологіи вопросовъ, касающихся несознаваемой нами части скрытыхъ мыслей, ихъ подавленія и ихъ отношенія къ сознанію, — то рѣшеніе этихъ вопросовъ приходится отложить до тѣхъ поръ, пока анализъ не выяснитъ намъ происхожденія нѣкоторыхъ психопатическихъ образованій, какъ-то: истерическихъ симптомовъ и навязчивыхъ идей.

